

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

ИЗДАНИЕ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

1860.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. 4-го апрѣля 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

ГРЕНЛАНДЦЫ.

Гренландія — самая холодная страна въ свѣтѣ: съ востока, запада и юга окружаетъ ее Ледовитый Сѣверный океанъ; съ сѣвера обступили ее непроходимые льды: туда не могъ проникнуть до сихъ поръ ни одинъ корабль, ни одинъ человекъ. Вся страна и даже южная ея часть покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Зимніе холода продолжаются здѣсь восемь мѣсяцевъ. Въ это время по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывается солнце. Все окутано тогда мракомъ и вездѣ не-

пробудная тишина пустыни, которую прерываетъ только иногда вой вѣтра.

Въ этой странѣ живутъ, однакожь, люди. Ихъ раздѣляютъ на два племени: на *Эскимосовъ* и *Гренландцевъ*. Нравы ихъ и обычаи такъ схожи между собою, что стоитъ описать одно племя, чтобы совершенно познакомиться съ другимъ.

Гренландцы вообще малы ростомъ; плоское, какъ словно приплюснутое лицо, толстыя губы, крошечные глаза и черные, плоскіе и жесткіе волосы составляютъ отличительные признаки ихъ наружности; кожа ихъ темно-бурая съ желтизною; они рождаются, однакожь, совершенно бѣлыми; такой цвѣтъ пріобрѣтается современнымъ, отъ копоты и дыму; кромѣ того, Гренландцы имѣютъ обыкновеніе натирать тѣло жиромъ и масломъ моржей и тюленей.

Нельзя себѣ представить, до чего люди эти грязны и нечистоплотны: они никогда не моются; надѣвъ разъ платье, они сни-

мають его тогда только, какъ оно распадается лохмотьями. Они такъ воняють, что къ нимъ отвратительно близко подойти.

Нравомъ своимъ печальные и молчаливые, они кажутся какими-то сонными; ихъ оживляютъ только голодъ или опасность. Нравъ этого народа опредѣлить очень трудно. Въ иныхъ случаяхъ Гренландецъ выказываетъ доброту сердца, въ другихъ случаяхъ онъ остается равнодушнымъ, какъ звѣрь, и никакое несчастье какъ будто его не трогаетъ. Такъ, на примѣръ, онъ никогда не двинется съ мѣста, чтобы спасти утопающаго, если утопающій не его близкій родственникъ. Случись тонуть женщинѣ или ребенку, Гренландецъ, не подумавъ, бросается въ море, въ какую бы ни было погоду. Когда собирается ихъ нѣсколько человѣкъ чтобы итти на промыселъ, тогда опять другое дѣло: тогда все у нихъ общее: трудъ, опасность, нищета и голодъ; каждый спѣшитъ тогда подать помощь другому.

Въ иныхъ случаяхъ они честны и внушаютъ къ себѣ довѣріе, въ другихъ — надо держать ухо востро и не спускать съ нихъ глазъ: присвоеніе чужаго добра считается у нихъ нипочемъ. Если который нибудь изъ нихъ завидуетъ богатству сосѣда или умѣнною его доставать себѣ все нужное для жизни, онъ не ограничится кражей: онъ поплыветъ за нимъ въ море, подкараулитъ его, неожиданно нападетъ, всадитъ ему въ спину копье и броситъ на произволь судьбы, безъ всякаго раскаянія. Несмотря на то, что Гренландцы кажутся такими молчаливыми и заспанными, они, тѣмъ не менѣе, очень мстительны. Когда случается убійство, родители убитаго скрываютъ горе свое до тѣхъ поръ, пока не представится случая къ отмщенію: они ждутъ иногда двадцать лѣтъ и болѣе, не показывая вида, что таятъ въ душѣ злобу. При встрѣчѣ съ убійцей въ глухомъ, отдаленномъ мѣстѣ, они съ яростію на него бросаются и затаптываютъ его ногами до

смерти. Въ бѣшенствѣ своемъ, они иногда разрѣзываютъ его на куски и съѣдаютъ его сердце, — для того, говорятъ они, чтобы отнять силу у родныхъ убійцы отмстить, въ свою очередь, за его смерть. У Гренландцевъ мщеніе переходитъ изъ рода въ родъ и передается, какъ наслѣдство, не только родственникамъ, но друзьямъ и даже близкимъ сосѣдямъ.

Вѣрованія Гренландцевъ вполне соотвѣтствуютъ ихъ дикому состоянію.

Они думаютъ, что нѣтъ никакой разницы между душою человѣка и животнаго. Душа, по ихъ понятіямъ, можетъ, по произволу своему, оставлять тѣло и снова въ него возвращаться. Колдуны, которыхъ тамъ много, какъ вообще во всякой не-образованной странѣ, стараются особенно поддерживать послѣднее вѣрованіе: они извлекаютъ свои выгоды, увѣряя дикарей, что могутъ, по желанію, отнимать и снова возвращать душу человѣку. Колдуны пользуются въ Гренландіи большимъ

почетомъ: они исполняютъ должности священниковъ, врачей и предсказателей. Колдуны эти, разумѣется, тѣ же дикари, только похитрѣе и плутоватѣе; они пользуются простотою народа и надуваютъ его безъ пощады, стараясь стащить съ него, сколько возможно.

Гренландцы думаютъ, что рай находится на днѣ Океана.

«Тамъ — говорятъ они — лѣто продолжается круглый годъ, солнце постоянно свѣтитъ съ высоты неба, вода всегда ясна и отличнаго вкуса; тамъ всего въ изобиліи: оленей, рыбы и особенно моржей. Послѣднихъ уже ловить не надо: они сами подплываютъ, сами бросаются въ кипящіе котлы и варятся для удовольствія чловѣка.»

Понятно, что Гренландцы такъ думаютъ: не имѣя никакого понятія о законахъ христіанскаго ученія, не признавая даже души, они въ будущей жизни ожидаютъ только вкусной ѣды и тѣхъ грубыхъ наслаж-

деній, которыми такъ скудно надѣляетъ ихъ жалкое ихъ отечество. Любопытно также понятіе ихъ объ Европейцахъ: они говорятъ, что Европейцы происходятъ отъ щенковъ, которыхъ бросила Гренландка въ море, положивъ ихъ сначала въ деревянный башмакъ; оттого-то, утверждаютъ они, Европейцы такъ искусно и плаваютъ въ морѣ и оттого суда ихъ похожи на деревянный большой башмакъ.

Всѣ эти вздорныя суевѣрныя мысли сильно колебались съ тѣхъ поръ, какъ въ Гренландію начали проникать христіанскіе проповѣдники, имѣющіе цѣлью распространять повсюду между дикими племенами просвѣщеніе и научить ихъ Слову Божію. Но колдуны или *шаманы* все еще берутъ тамъ перевѣсъ. Ремесло ихъ даетъ имъ почетъ и приноситъ слишкомъ много выгодъ, чтобы они всѣми силами не старались поддерживать суевѣрія своихъ соотечественниковъ.

Жалкая страна, въ которой обитаютъ

Гренландцы, и мрачный, угрюмый нравъ ихъ отражаются въ ихъ образѣ жизни и обычаяхъ.

Женитьба и замужство у нихъ не шуточное дѣло: дѣвушка, выходя замужъ, обрекаетъ себя все равно что на смерть; въ случаѣ, когда мужу нечѣмъ кормить ее или онъ умираетъ, она должна погибнуть съ голоду, потому что никто тогда, даже самые родные, не примутъ ея. Дѣвушки до того боятся замужства, что часто убѣгаютъ въ ледяныя горы, какъ только рѣчь зайдетъ о женихѣ; другія даютъ обѣщаніе вѣчно остаться въ дѣвушкахъ. Онѣ обстригаютъ себѣ волосы и принимаютъ на себя исполненіе тяжелыхъ мужскихъ работъ.

Многоженство допускается у Гренландцевъ, но только въ такомъ случаѣ, когда первая жена не имѣла дѣтей. Число женъ зависитъ также отъ состоянія: чѣмъ дикарь богаче, тѣмъ больше у него женъ. Самая главная похвальба

Гренландца въ томъ, чтобы имѣть много дѣтей.

Гренландцы вообще очень нѣжны къ дѣтямъ. Мать отнимаетъ ребенка отъ груди, какъ минетъ ему четыре года. Какъ бы далеко ни предстояло итти матери, какія бы работы у нея ни были, она никогда не разлучается съ своимъ ребенкомъ; онъ постоянно виситъ за ея плечами, въ мѣшкѣ изъ звѣриныхъ кожъ.

Единственное занятіе мужчинъ — охота и рыбная ловля. Они необыкновенно искусны особенно въ послѣднемъ промыслѣ, который состоитъ въ особенности изъ ловли моржей, китовъ и тюленей. Они нападаютъ на кита въ своихъ крошечныхъ лодочкахъ и поражаютъ его копьемъ, къ верхнему концу котораго прикрѣпленъ толстый пузырь, туго надутый воздухомъ; этотъ пузырь не даетъ копью утонуть, въ случаѣ, если дикарь промахнется. Кромѣ того, если копье попало въ кита и китъ нырнулъ въ глубину моря, нѣсколько

такихъ пузырей поневолѣ заставляютъ животное снова подняться на поверхность воды.

Лодки, въ которыхъ Гренландцы совершаютъ свои мореходные подвиги, достойны удивленія: онѣ показываютъ въ своихъ строителяхъ необыкновенную смѣтку и смешленость.

Остовъ этихъ лодокъ дѣлается изъ тонкихъ, гибкихъ вѣтокъ или китоваго уса; онъ кругомъ, съ боковъ и сверху плотно обтягивается масляной кожей; сверху, посерединѣ, оставляется такое отверстіе, чтобы могъ пролѣзть человѣкъ; отверстіе обшито кругомъ кожей, въ которой проходитъ бичевка и которая затягивается, какъ кошель. Дикарь пропускаетъ ноги въ отверстіе, садится на дно лодки и кожу затягиваетъ плотно вокругъ пояса: онъ не боится тогда самой страшной бури; волны порою ходятъ черезъ его голову. Онъ и челнокъ его, закупоренный плотно, всплываютъ, какъ пузырь надъ водою. Гренландцы

управляются однимъ только коротенькимъ весломъ, съ плоскими и широкими концами. Съ такимъ весломъ да еще двумя—тремя копьями Гренландецъ пускается въ далекое море, испытываетъ страшныя бури и часто одинъ на одинъ идетъ на огромнаго моржа.

Гренландскія женщины не только отвѣчаютъ за порядокъ дома и хозяйства, но имъ вмѣняются въ обязанность всѣ труднѣйшія работы: онѣ вытаскиваютъ на берегъ рыбъ и животныхъ пойманныхъ мужчинами, и приносятъ ихъ домой часто издалека, снимаютъ съ нихъ шкуру, вытапливаютъ жиръ, готовятъ кушанье и обшиваютъ мужей своихъ. Положеніе женщины очень тягостно; она не жалуется, однакожь, и усердно работаетъ. Случись, умереть мужъ, ей вѣдь тогда еще хуже.

Въ зимнее время Гренландцы любятъ посѣщать другъ друга и часто дѣлаютъ для этого большія путешествія. Гости при-

нимаются всегда радушно и угощаются, по обычаю, очень щедро.

Вотъ изъ чего состоитъ обыкновенно это угощеніе: сушеное тюленье мясо, полусгнившій, протухшій жиръ сивуча, или морской собаки, китовые хвосты, которые у нихъ въ большомъ почетѣ; потомъ слѣдуетъ оленье мясо, кислая морожка, вареная въ китовомъ салѣ или моченая въ оленьей крови. При послѣднемъ они обливаютъ себѣ пальцы: блюдо это считается у нихъ самымъ лакомымъ.

Ѣда эта сама по себѣ ничего еще незначить въ сравненіи съ обжорствомъ и нечистотою Гренландцевъ. Посуда никогда не моется; ее отдають послѣ ѣды собакамъ, которыя оближутъ — тѣмъ и кончено. Посуда состоитъ изъ круглыхъ дощечекъ безъ закраинъ. На нихъ разрѣзываютъ они говядину и рыбу; приправу или подливку выпиваютъ они прежде. Подливка ограничивается обыкновенно кровью; въ ней варятъ они большую часть своего

кушанья. Случается ли ѣсть рыбу, или кусокъ жира не очень большой величины, Гренландцы не даютъ себѣ труда разрѣзывать: они запихиваютъ въ ротъ, сколько можетъ войти, а остатокъ отрѣзываютъ ножомъ. Ножикъ служитъ имъ утиральникомъ; они чистятъ имъ зубы, отскабливаютъ жиръ приставшій къ рукамъ и губамъ. Угощая европейскаго гостя, они, прежде, чѣмъ подадутъ ему кусокъ, оближутъ хорошенько мясо или рыбу, чтобы отчистить его отъ подливки или лишняго жира. Сохрани Богъ отказаться отъ угощенія: это почитается большою обидою для хозяина.

Мужчины ѣдятъ особо отъ женщинъ; но женщины на это нимало не пѣняють: онѣ, въ свой чередъ, обжираются не менѣе мужей своихъ. Величайшею радостію ихъ — видѣть, какъ наѣдаются дѣти. Онѣ считаютъ обжорство въ дѣтяхъ хорошимъ предзнаменованіемъ для будущаго. Когда ребенокъ такъ наѣстся, что почти зады-

хается, мать катаетъ его по землѣ или натаптыиваетъ ему животъ, съ тою цѣлью, чтобы снова имѣть возможность въ него пичкать.

Жадность Гренландцевъ такъ велика, что они часто съѣдаютъ весь зимній запасъ въ первые мѣсяцы. Если какое нибудь обстоятельство мѣшаетъ имъ тогда отправиться на охоту или рыбный промыселъ, они впадаютъ въ самое бѣдственное положеніе. Чтобы не умереть съ голода, они часто принуждены съѣдать кожаную обувь свою и платье или перерѣзать собакъ, на которыхъ ѣздить. Когда собаки съѣдены, нечего уже думать трогаться съ мѣста, и часто тогда, цѣлыми толпами, мрутъ они съ голода.

Гренландцы живутъ лѣтомъ въ кожаныхъ переносныхъ *юртахъ*, или шалахахъ; зимою строятъ они особыя жилища изъ земли и мху, наложенныхъ одно на другое и поддерживаемыхъ стропилами изъ китовыхъ ребръ. Отъ входа прорыть

въ снѣгу узкій тѣсный проходъ. Онъ защищаетъ входъ отъ погоды, снѣжныхъ наносовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ отдушиной для свѣжаго воздуха. Черезъ него, протаскиваясь ничкомъ, проходишь въ жилие. Оно обтянуто внутри оленьими кожами. Кожи, развѣшанныя поперекъ, дѣлятъ жилие на нѣсколько отдѣленій; въ каждомъ отдѣленіи помѣщается по семейству; иногда нѣсколько семействъ помѣщаются въ одномъ жилищѣ. Скамьи, сдѣланныя изъ лѣса, выкинутаго моремъ, служатъ постелью; одна только дыра, продѣланная съ боку и затянутая пузыремъ, освѣщаетъ жилище. Для свѣта и также для тепла, у каждый семьи горитъ круглая сутки ночникъ; фитильня сдѣлана изъ тонкаго моху. Надъ каждымъ изъ этихъ ночниковъ виситъ котелокъ. Пламя фитильни такъ жарко, что кушанье кипитъ постоянно и всегда наготовѣ для обжорливыхъ хозяевъ.

Можете представить себѣ, какой долженъ быть воздухъ въ этихъ жилищахъ! Парь

отъ кушанья, запахъ сала и масла, вонь шкуръ, худо ободранныхъ и не выдѣланныхъ, дыханіе нѣсколькихъ десятковъ людей, дымъ и копоть, — все это едва ли можетъ вынести кто нибудь изъ Европейцевъ.

Тюлень — самый полезный, можно сказать, самый необходимый звѣрь для Гренландца; Гренландецъ питается его мясомъ, топится жиромъ, дѣлаетъ изъ костей его и зубовъ свое оружіе и, наконецъ, одѣвается его шкурой. Трехъ-четырехъ такихъ шкуръ совершенно достаточно, чтобы одѣть Гренландца съ головы до ногъ. Куртка, штаны и шапка съ длинными наушниками, — все сшивается плотно вмѣстѣ. Въ такомъ одѣяніи дикарь не боится холода. Иногда одежда подбивается внутри шкурками морскихъ птицъ, пухомъ къ тѣлу. Дикари такъ плотно сшиваютъ кожи, что никогда капля воды не пройдетъ сквозь швовъ. Гренландцу нерѣдко, между тѣмъ, приводится бросаться въ море и вплавь достигать ранаго моржа или тюленя.

Одежда женщинъ во всемъ схожа съ мужскою. Онѣ отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ только, что расписываютъ свои лица разными причудливыми узорами.

Европейскіе проповѣдники, или *миссіонеры*, — о которыхъ вамъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, — употребляютъ всѣ усилія, чтобы вырвать Гренландцевъ изъ невѣжества и суевѣрія. Они частію только успѣли въ этомъ: Гренландцы, къ сожалѣнію, такъ привязаны къ своимъ вѣрованіямъ и обычаямъ предковъ, что рѣдкіе рѣшаются отъ нихъ отказаться. Число Гренландцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, очень еще ничтожно въ сравненіи съ большинствомъ народа, который продолжаетъ жить въ томъ же дикомъ состояніи, въ какомъ жили его жалкіе предки.

УБОРКА ХЛѢБА И РАБОЧІЙ НАРОДЪ ВЪ АНГЛІИ.

Англійское пиво бываетъ двухъ родовъ: одно бѣлое, другое черное; первое называется *эль*, второе — *портеръ*. Оба сорта выдѣлываются изъ ячменя и хмѣля.

Уборка хмѣля, смотря по году, начинается въ концѣ августа или началѣ сентября. Въ это время, дороги Англійи покрываются пешеходами, которые отправляются на заработки въ хмѣлевые сады. Женщины, дѣти, старики, часто цѣлыя семейства выступаютъ поспѣшнымъ шагомъ, распѣвая веселыя пѣсни. Никогда во весь годъ не бываетъ такого веселья и оживленія на проселкахъ. Народъ часто приходитъ издалека: мѣстами встрѣчаются даже ирландскія женщины, въ соломенныхъ шляпкахъ на головѣ и деревянныхъ башмакахъ. Ирландія находится въ сторонѣ отъ Англійи и отдѣляется отъ нея моремъ;

Ирландія островъ. Надо, слѣдовательно, пройти немало верстъ и переѣхать еще морской рукавъ; но Ирландкамъ это ни почемъ: онѣ во всю дорогу смѣются, шутятъ и поютъ пѣсни.

Большая часть этихъ пѣшиходовъ несетъ за плечами кое-что изъ необходимой одежды: новую пару башмаковъ, бѣлье для смѣны, толстые шерстяные камзолы; иногда въ прибавку къ этому, на спинѣ сидитъ ребенокъ, который высовываетъ изъ-за плечъ отца или матери свою румяную кудрявую головку.

Уборка хмѣля считается рабочимъ народомъ Англіи великимъ праздникомъ. Въ это время года каждый стряхиваетъ лѣность; всѣ спѣшатъ въ тѣ части государства, гдѣ разводится хмѣль.

Но дорога долгая; не обходится безъ приваловъ. Многіе, сговорившись заранѣе, составляютъ артели. Артель располагается подлѣ дороги или на сосѣднемъ лугу. Раскладывается огонекъ, и всѣ усаживаются

вокругъ мѣдныхъ чайниковъ съ кипящимъ чаемъ. Чай и пиво — любимые напитки англійскаго народа. Потомъ на часокъ-другой всѣ прилаживаются и отдыхаютъ.

Не весь рабочій народъ пробирается, однакожь, пѣшкомъ: ходить пѣшкомъ въ Англіи, особенно на большихъ разстояніяхъ, почитается слишкомъ дорогою прогулкой: много прогуляешь времени да и обувь износишь. Большая часть отправляются изъ своихъ мѣстъ до хмѣлевыхъ садовъ по желѣзной дорогѣ: она обходится несравненно дешевле. Часто въ одномъ поѣздѣ бываетъ три тысячи человѣкъ.

Въ Англіи такъ много потребляется хмѣлю, что онъ обогащаетъ не только владельцевъ которые его разводятъ, но обогащаетъ даже тѣ уѣзды, гдѣ расти ему способнѣе. Онъ цвѣтетъ въ іюнѣ и созреваетъ въ сентябрѣ. Но не всегда-то урожай бываетъ удачный. Хмѣль растеніе нѣжное и требуетъ большаго ухода и издержекъ: разводка хмѣля и поддержка его

обходятся около пятисотъ цѣлковыхъ за десятину. Нерѣдко случается, что отъ одного ранняго мороза пропадаютъ цѣлыя состоянія и работа цѣлаго года.

Надо видѣть тогда, какое горе овладѣваетъ народомъ, который такъ далеко шелъ для уборки и такъ прежде радовался путемъ-дорогой. Послѣ такихъ неурожаевъ, въ деревняхъ проводятъ зиму скучнѣе и бѣднѣе обыкновеннаго. Молодыя дѣвушки не шьютъ тогда обновъ. Показывая старенькія свои платья, онѣ говорятъ всѣмъ со вздохомъ: «Что жь дѣлать! хмѣль не уродился.»

Но приходитъ хорошій годъ, и все перемѣнилось: часто одна десятина хмѣля приносить чистаго барыша четыреста цѣлковыхъ. За то посмотрите, какъ веселы тогда лица хозяевъ и рабочихъ!

И тѣ и другіе бьются между собою объ закладъ, загадываютъ и рассчитываютъ, сколько барыша кому придется.

Хмѣль больше всего родится на югѣ

Англии. Лучшія разводки хмѣля находятся подлѣ города Медстона, хорошенькаго городка, расположеннаго по берегу рѣки Медвай. Мѣста и окрестности самыя красивыя. Кругомъ раскинуты чищенныя великолѣпныя рощи; вездѣ поднимаются холмы, покрытые, словно лебедями, бѣлыми чистыми домиками. По всей низменной части и по берегамъ рѣчки идутъ хмѣлевые сады. Вездѣ приволье, богатство и, вмѣстѣ-съ тѣмъ, тишина и миръ. Недаромъ говорится: счастливая Англія!

Сюда то, къ этимъ кудрявымъ роскошнымъ садамъ, направляется, и пѣшкомъ и по желѣзной дорогѣ, весь рабочій народъ, котораго мы видѣли на дорогахъ.

Сады устроены такимъ образомъ: черезъ каждыя двѣ сажени идутъ во всю длину сада ряды высокихъ шестовъ, крѣпко насаженныхъ въ землю; по шестамъ вьется хмѣль; онъ оплетаетъ макушки, свѣшивается, снова сплетается надъ головою, точно сводъ густой зелени, которая бы-

вааетъ иногда такъ тучна, что ея не проби-
ваетъ дождикъ.

Первое дѣло, при снимкѣ хмѣля, состоитъ
въ томъ, чтобы подрѣзать стволъ у корня
и снять растеніе вмѣстѣ съ шестомъ, кото-
рый оно обвиваетъ. При этомъ требуется
большая сноровка, и тутъ употребляются
особые работники. Если подрѣжешь расте-
ніе зря и слишкомъ близко къ корню,
корень засыхаетъ, и надо сажать новый.

Шесты, вмѣстѣ съ обвивающимъ ихъ
хмѣлемъ, переносятъ на рукахъ подъ навѣ-
сы, гдѣ дожидается рабочій народъ. Тутъ
собственно происходятъ главная возня
и дѣятельность. Дѣти всякаго возраста,
старики, нѣсколько сотенъ женщинъ, одѣ-
тыхъ въ разноцвѣтное платье, — все это
вытягивается рядами по обѣимъ сторонамъ
длинныхъ деревянныхъ ящиковъ съ хол-
стиннымъ дномъ. Въ эти ящики уклады-
ваютъ два—три шеста съ хмѣлемъ, и на-
родъ принимается тотчасъ же общипывать
цвѣтъ. Часто вокругъ ящика стоитъ одна

семья. Подлѣ ящика, въ такомъ случаѣ, нерѣдко виднѣется качка съ ребенкомъ, который крикомъ своимъ вторитъ общему гаму и говору.

Уборка хмѣля почитается англійскимъ народомъ *доброю, хорошею* работой. Одно что она не трудна; потѣмъ, она даетъ возможность скоро зашибать копѣйку; женщины, дѣти и старики бѣдныхъ семействъ рѣшительно ею кормятся. Если хозяинъ сада человѣкъ добрый и веселый, если годъ удачный и время стоитъ хорошее, послушайте, какія тогда льются пѣсни подъ этими навѣсами! Хохоту, шуткамъ и балагурству конца нѣтъ.

Веселость не мѣшаетъ, однакожь, дѣлу. Сотни пальцевъ бѣгаютъ по сухимъ цвѣткамъ хмѣля, которыя дождемъ сыплются въ ящики.

Такъ какъ рассчитываютъ обыкновенно не по числу дней, а по работѣ, хозяинъ смѣриваетъ, сколько мѣръ насчиталъ каждый работникъ. Обыкновенно платятъ по

тридцати-пяти копѣекъ серебромъ за девять мѣръ. Бываютъ такія ловкія женщины которыя зарабатываютъ по цѣлковому въ день.

Чтобы составить себѣ настоящее понятіе о сборѣ хмѣля, надо въ это время года объѣхать всѣ южные уѣзды Англіи: вездѣ кипитъ народъ, слышится говоръ и раздаются пѣсни. Въ полдень, въ обѣдъ, не сыщешь на травѣ свободнаго мѣстечка. Глядя на толпу, на пестрыя одежды, на движеніе народа, который цѣлыми ватагами переходитъ изъ одного сада въ другой, прислушиваясь къ пѣснямъ и говору, можно думать, что здѣсь происходитъ какой нибудь торжественный праздникъ. Шляпы мужчинъ и волосы дѣвушекъ и женщинъ перевиты хмѣлевыми цвѣтами и листьями. Всего лучше смотрѣть на согласіе которое связываетъ, какъ одну семью, эти сотни людей. Совершенно чужіе люди пособляютъ женщинамъ нести дѣтей; молодежь хлопочетъ подлѣ стариковъ, об-

легчая имъ работу или забавляя ихъ шутками; женщины готовятъ для всѣхъ обѣды и ужинъ; дѣвушки бѣгаютъ за водою и раскладываютъ костры. Подумаешь, одна родная семья собралась справлять праздникъ.

Уборка хмѣля даетъ многимъ не только деньги, но и счастье: сколько свадебъ устроилось во время этихъ переходовъ по садамъ и уѣздамъ! У одной Ирландки спрашивали разъ, гдѣ нашла она себѣ такого красиваго мужа. Она отвѣчала: «хмѣлевой, батюшка!»

Когда цвѣтъ хмѣля ощипанъ и вымѣрянъ, его сушатъ. Для этого у каждаго владѣльца сада выстроено особое зданіе, гдѣ, въ верхнемъ ярусѣ, насыпаютъ цвѣтъ, а въ нижнемъ разводятъ жаръ въ желѣзныхъ печахъ.

Человѣкъ, которому поручается просушка, долженъ быть очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ. Отъ него, можно сказать, зависитъ цѣна при продажѣ хмѣля. Тутъ ну-

женъ большой опытъ и большое вниманіе. Каждые шесть часовъ хмѣль ворочается лопаткой; послѣ двѣнадцати часовъ сушки его вынимаютъ. Печи топятся день и ночь. Работнику почти нѣтъ времени прилечь: того и смотри, прозѣваешь время. Когда подумаешь, что работа продолжается иногда мѣсяцъ и болѣе, остается только удивляться силѣ и терпѣнію этихъ людей; а, между тѣмъ, они веселы и никогда не жалуются на судьбу свою. У Англичанина долгъ дѣло святое: если онъ взялся за какое нибудь дѣло и не выполнить его какъ слѣдуетъ, онъ считаетъ себя навѣки осрамленнымъ, обезчещеннымъ. Одному изъ такихъ сушильщиковъ, во время самой жаркой работы, пришли сказать, что жена и дѣти, которыхъ не видалъ онъ мѣсяцъ, ожидаютъ его въ сосѣднемъ домѣ. Онъ не могъ устоять противъ такого соблазна: бросился со всѣхъ ногъ къ сосѣду, обнялъ жену и дѣтей, — но не остался съ ними ни минуты лишней.

— Прощайте, жена и ребятишки! сказалъ онъ, цѣлуя ихъ поочередно: — печь не терпитъ: поверни только глаза въ сторону, какъ разъ набѣдуетъ. Сердце мое съ вами, мысли — тамъ, гдѣ ожидаютъ меня долгъ и работа... Прощайте!...

И онъ также проворно вернулся къ печамъ своимъ.

Трудъ такихъ людей вознаграждается, конечно, больше, чѣмъ обыкновенныхъ рабочихъ: сушильщикъ получаетъ полтора цѣлковыхъ въ день. Правда, что день его продолжается цѣлая сутки.

Когда хмѣль просохъ, остается насыпать его въ мѣшки и везти продавать на рынокъ.

Въ концѣ сентября или октября кончаются обыкновенно всѣ работы. Рабочій народъ, побрякивая деньгами, расходится тогда по домамъ, каждый въ свою сторону. Прежде справляется обыкновенно праздникъ. Всѣ сходятся въ одно мѣсто, обыкновенно подлѣ какой нибудь деревни. Дѣвушки выбираютъ между собою одну,

которая называется царицею хмѣля: ее украшаютъ лентами и на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ листьевъ и цвѣтовъ хмѣля. Вся толпа слѣдуетъ за нею, пляшетъ, бьетъ въ ладоши и поетъ пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ восхваляется хмѣль, который называется кормильцемъ стариковъ, дѣтей и женщинъ.

Отъ садовъ и сборщиковъ хмѣля перейдемъ теперь къ пивоварнямъ и рабочимъ на пивоваренныхъ заводахъ.

Большая часть заводовъ варятъ и *эль* и *портеръ*. Портеръ темнѣе эля потому только, что хмѣль который кладутъ въ него, пережигается больше того, который идетъ въ эль. Англичане охотнѣе пьютъ портеръ, и потому его приготавливаютъ гораздо больше, чѣмъ элю.

Чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о пивоварняхъ Англіи, стоитъ только сказать, что въ одной изъ нихъ, находящейся въ Лондонѣ, вывариваютъ *каждый день* въ лѣтнее время 700 мѣшковъ хмѣлю, въ

зимнее время — 1,400; на этомъ заводѣ находятся 134 чана и въ каждомъ чанѣ помѣщается 2,200 бочекъ портеру. Въ этихъ огромныхъ чанахъ, похожихъ на пруды, пиво перебраживаетъ и дозрѣваетъ; отсюда его переливаютъ въ бочки. Переливка, закупорка, переноска бочекъ внутри завода, — все дѣлается посредствомъ паровыхъ машинъ. Для отправки бочекъ на корабли или на продажу употребляются лошади.

Лошади эти совершенно особенныя: ихъ такъ и называютъ *пивоварными*. Встрѣтивъ такое животное, вы приняли бы его за слона: лошадь такая ровно вдвое, если еще не больше, нашихъ крестьянскихъ лошадей. Но посмотрѣли бы вы также, какой уходъ за ними!

Конюшни на этихъ заводахъ точно богатая палата. Въ иной конюшнѣ помѣщается до двухсотъ такихъ лошадей. Въмѣсто стойла, вездѣ чугунныя красивыя перегородки; подъ каждой перегородкой

ярлыкъ съ именемъ животнаго. Кормятъ ихъ овсомъ, ячменемъ и клеверомъ; въ кормъ подмѣшиваютъ пивную гущу. Такая лошадь стоитъ обыкновенно на наши деньги пятьсотъ цѣлковыхъ. Но сколько же за то она и выработаетъ! Иная везетъ болѣе ста пудовъ такъ же легко, какъ наша двадцать-пять.

Большія пивоварни употребляютъ обыкновенно до четырехсотъ рабочихъ. Такое число ничтожно въ сравненіи съ огромнымъ количествомъ пива, которое вываривается; но не надо забывать пара и машинъ, которые одни замѣняютъ тысячи рукъ.

Пивовары отличаются отъ другихъ рабочихъ Англіи своей одеждой; они носятъ шляпу изъ клеенки, съ широкими полями, широкую бѣлую шерстяную куртку и штаны; родъ кожаныхъ разрѣзныхъ чулковъ, которые обхватываютъ икру и застегиваются пуговицами; башмаки и бѣлый фартухъ.

Они отличаются также своимъ ростомъ и силой: точно потомки какихъ-то великановъ! — «Во время войны, говорятъ пивовары, изъ насъ да лошадей нашихъ можно будетъ составить дюжую кавалерію!»

Жалованье увеличивается смотря по опыту и расторопности работника: они получаютъ отъ *семи до двадцати-двухъ цѣлковыхъ въ недѣлю*. Жалованье никогда не задерживается. Принимая въ расчетъ точность и правильное житье самихъ работниковъ, нельзя себѣ представить, какъ такая понедѣльная плата улучшаетъ ихъ бытъ. Получая каждые семь дней свою плату, они всегда находятся при деньгахъ и никогда не бываютъ вынуждены дѣлать долги.

Кромѣ денегъ, каждый работникъ получаетъ въ день опредѣленное количество пива.

Многіе думаютъ, что сила и крѣпость этихъ людей происходятъ отъ пива, которое они пьютъ ежедневно; но это неспра-

ведливо: силу ихъ надо искать въ дѣятельности и правильной жизни въ кругу семейномъ.

Въ англійскихъ пивоварняхъ требуется, впрочемъ, не одна только сила: хозяева ищутъ также въ работникѣ человѣка грамотнаго, свѣдущаго, просвѣщеннаго. Во многихъ пивоварняхъ приняты даже мѣры, чтобы человѣкъ, который хочетъ учиться, имѣлъ на это всѣ средства: для этого устроена нарочно комната, наполненная книгами; бываетъ иногда до двухъ тысячъ книгъ. Заплативъ копѣйку въ недѣлю, каждый работникъ имѣетъ даже право взять книгу домой на нѣсколько дней. Всѣ почти такъ и дѣлаютъ. Англичане слишкомъ привязаны къ семейной жизни, чтобы отрываться отъ нея, когда не требуетъ того работа. Для англійскаго работника нѣтъ ничего лучше, какъ читать, сидя у камина, въ обществѣ жены, дѣтей и близкихъ родственниковъ.

Самый лучший день Англичанина — это

воскресенье. Утромъ онъ идетъ въ церковь и, слушая проповѣди, научается всему хорошему; послѣ обѣдни, на всѣхъ улицахъ и площадяхъ, за самую сходную цѣну, продаются сотни разныхъ газетъ, которыя нарочно печатаются для развлечения, забавы и поученія народа. Какъ смѣялись англійскіе работники, узнавъ, что во Франціи, которая слыветъ такою просвѣщенною страной, не печаталось газетъ для народа!

На нѣкоторыхъ пивоваренныхъ заводахъ хозяева еще больше выказываютъ заботливости къ улучшенію судьбы своихъ работниковъ: желая развить въ нихъ чувство бережливости, хозяева устроили при заводахъ сохранныя кассы; туда поступаютъ деньги, которыя каждый работникъ удѣляетъ изъ своего недѣльнаго жалованья. Изъ всѣхъ этихъ вкладовъ составляется капиталъ, принадлежащій обществу всѣхъ работниковъ и пивоваровъ. Въ 1854 году всѣ капиталы эти, сложенные вмѣстѣ,

превышали сумму въ *восемьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ*. Проценты съ этого, капитала идутъ на воспитаніе дѣтей, которыя всѣ учатся въ хорошихъ школахъ, и также на пенсіи овдовѣвшимъ женамъ работниковъ.

Даже въ тѣхъ заводахъ, гдѣ не существуетъ сберегательныхъ кассъ, вдова работника и дѣти его никогда не получаютъ отказа, если въ чемъ нуждаются. Не только хозяева, но сами работники всегда охотно спѣшатъ подать имъ руку помощи. Нравъ англійскаго народа таковъ, что онъ не любитъ дѣлать изъ всего шума, не любитъ выставлять на видъ своихъ поступковъ. Англичане отличные христіане: они не забываютъ, что Христосъ велѣлъ подавать, такимъ образомъ, *«чтобы лѣвая рука не видала, какъ даетъ правая»*. Въ нравѣ Англичанина нѣтъ того, чтобы онъ сталъ долго размазывать словами, обѣщать и говорить льстивыя медовыя рѣчи, которыя часто служатъ только отводомъ отъ дѣла: Англичанинъ, коли рѣшилъ помочь ко-

му, помогаетъ втихомолку, сразу: даль, — и дѣлу конецъ.

Года два назадъ, на зарѣ, къ воротамъ одной большой пивоварни, подкинули новорожденного младенца: тотчасъ же, всѣ работники, съ одного голоса, объявили себя его отцомъ; они сложились, собрали порядочную кучку денегъ и опредѣлили ее на воспитаніе своего общаго дѣтища.

Ребенокъ выросъ и поступилъ въ ихъ общество. Его, въ шутку, иначе не звали какъ *пивнымъ дитятею*, или *пивовареннымъ младенцемъ*.

ДИКІЯ ПЛЕМЕНА БРАЗИЛІИ.

(ЮЖНАЯ АМЕРИКА.)

Бразилія, подобно большей части американскихъ государствъ, много измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ поселились въ ней образованные Европейцы. До этого времени въ ней жили дикія племена которые вѣчно враждовали между собою. Случалось,

что цѣлыя племена бывали перебиты до послѣдняго человѣка; другіе, чтобы спастись отъ врага, уходили въ горы, въ глубину лѣсовъ, подъ защиту рѣкъ и пустынь. Бразилію населяли люди дикіе, у которыхъ вмѣсто пѣсенъ былъ вой и крики войны; на пирахъ своихъ они ѣли человѣчье мясо и пили изъ череповъ, снятыхъ съ враговъ на полѣ сраженія. Изъ этихъ дикарей самыя страшныя были *Тупинамбасы*: они славились храбростію и жестокостію. Названіе этого племени произошло отъ слова *тупакъ*, что значитъ громъ; назвали же они себя такъ, чтобы выказать свою силу и могущество.

Тупинамбасы, какъ почти всѣ дикіе, раскрашивали себѣ тѣло разноцвѣтными красками и накалывали на кожѣ разные узоры. По этимъ узорамъ можно было отличать вождей отъ простаго народа. Промышляли они только охотою и рыбной ловлею. Вѣра Тупинамбасовъ была очень проста: они признавали двухъ бо-

говъ, которымъ молились только для того, чтобы боги помогли имъ побѣдить непріятеля. При рожденіи сына, отецъ пѣлъ хвалу воинамъ, которые наиболѣе отличились въ прошлыхъ битвахъ. вмѣсто добрыхъ совѣтовъ или ученія, отецъ говорилъ сыну: «Посмотри на этотъ лукъ, взгляни на эту дубину — съ ними ты долженъ нападать на враговъ твоихъ. Если будешь храбръ, мы будемъ ѣсть ихъ; если же не побѣдишь ихъ, то самъ будешь съѣденъ. Я не хочу чтобы сынъ мой былъ трусомъ!» Послѣ такого наставленія, ребенку давали имя какого нибудь оружія, животнаго или растенія, и съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ долженъ былъ ходить вмѣстѣ съ отцомъ въ битву.

Похороны Тупинамбасовъ происходили торжественно, и при этомъ женщины, — обыкновенно у людоедовъ страшно жесткія, — выказывали самую сильную горестъ. Онѣ рвали на себѣ волосы, били и всячески себя уродовали; со всѣхъ сторонъ

слышались ихъ вопли и отчаянные крики. «Онъ умеръ! кричали онѣ, онъ умеръ! Благодаря ему, мы ѣли такъ много враговъ, а теперь онъ умеръ!» И покойника опускали въ могилу, куда бросали овощи, рыбу, хлѣбъ и оружіе какого нибудь побѣжденнаго вождя.

Если какое нибудь другое племя оскорбляло Тупинамбасовъ, старѣйшины собирали воиновъ и начинали уговаривать ихъ къ мести, вспоминая въ то же время славные подвиги предковъ. Первая стычка всегда была ужасна. Завидѣвъ другъ друга, враги начинали грозиться, потрясая оружіемъ. Когда бѣшенство доходило до крайней степени, они бросались въ битву, вооруженные дубинами и палицами. Зачастую, сраженный воинъ, умирая, поползалъ до убитаго непріятеля, начиналъ кусать его и, удовлетворивъ мести, казалось, умиралъ съ радостію.

Въ битвахъ Тупинамбасы старались брать какъ можно болѣе плѣнниковъ, кото-

рыхъ приводили домой, въ доказательство своей побѣды. Здѣсь ихъ начинали откармливать, позволяли даже жениться; но конецъ бывалъ одинъ и тотъ же: ихъ убивали, для какого нибудь людоедскаго пира.

Оружіемъ Тупинамбасовъ были палицы и длинные луки, — аршина въ полтора. Изъ костей непріятелей они выдѣлывали дудки, на которыхъ играли пѣсни. У мужчинъ было въ обычаѣ дѣлать въ нижней губѣ отверстіе, куда вставлялся кусокъ тщательно обдѣланнаго дерева.

Въ настоящее время самыми опасными дикарями считаются въ Бразиліи *Мундрукусы* и *Паиксей*, т. е. *головаорѣзы*, потому что они всѣмъ своимъ плѣнникамъ рубятъ головы, которыя умѣютъ искусно сберегать въ продолженіи долгаго времени. Эти головы они развѣшиваютъ въ своихъ хижинахъ, и тотъ *Паиксей*, у котораго собрано десять такихъ головъ, можетъ быть выбранъ начальникомъ племени.

Въ Бразиліи живутъ также *Арарасы*,

племя стольже многочисленное, какъ Паиксеи, но далеко не такое храброе. Арарасы употребляютъ оружіе, которое похоже на духовое ружье и дѣлается изъ двухъ кусковъ выдолбленнаго дерева, склеенныхъ воскомъ и крѣпко связанныхъ бичевкою. Изъ него выдуваютъ они налитыя ядомъ стрѣлы.

Много другихъ племенъ кочуетъ еще по лѣсамъ и долинамъ Бразиліи. Всѣ они безъ устали воюютъ другъ съ другомъ.

Но самые замѣчательные изъ всѣхъ дикихъ народовъ Бразиліи — это Бутикуды, воинственные, смѣлые людоеды, не дающіе пощады ни старому, ни малому. Они удивительно хорошо стрѣляютъ изъ лука, такъ что, начертивъ на землѣ маленькій кругъ и запустивъ высоко въ воздухъ стрѣлу, всегда стрѣла при паденіи попадаетъ въ самую середину этого круга.

Бутикуды вовсе не носятъ платья. Цвѣтъ его кожи кирпичный, волосы длинные и гладкіе. Подобно Тупинамбасу, онъ оття-

гиваетъ до самыхъ плечъ сережку ушей и протыкаетъ нижнюю губу кускомъ крѣпкаго дерева, который доходитъ иногда до подбородка.

Бутикудъ, безъ сомнѣнія, самый смышленный и ловкій изъ всѣхъ дикарей въ свѣтѣ. Никто не потягается съ нимъ, когда онъ возьметъ лукъ, стрѣлы и мѣшокъ съ камнями. Всю жизнь свою проводитъ онъ въ войнѣ и охотѣ, скитаясь по вѣковымъ лѣсамъ и обширнымъ пустынямъ, которыми такъ богата Бразилія.

Лукъ Бутикуда вышиною отъ семи до восьми футовъ а стрѣлы бываютъ иногда длиною въ восемь и девять.

Посѣтивъ однажды таборъ Бутикудовъ, я попросилъ вождя этихъ удалцовъ показать мнѣ обращикъ ихъ дивной ловкости, о которой рассказываютъ столько чудесъ. На разстояніи ста шаговъ, ни болѣе, ни менѣе, изъ двѣнадцати спущенныхъ имъ съ быстротою стрѣлы камней, десятью онъ попалъ въ мою шляпу и разстрѣлялъ

ее въ клочки. Кошка, бѣжавшая по дорогѣ, была убита на-поваль тридцатымъ камнемъ. Я поспѣшилъ отблагодарить Бутикуда; но онъ отвернулся отъ меня, пожавъ плечами, и не взялъ ни одной изъ вещицъ, которыя я предлагалъ ему, въ знакъ благодарности.

Кромѣ того, въ юго-западной части Бразиліи есть еще племя Альбиносовъ, жалкихъ, слабыхъ, нездоровыхъ дикарей, которые могутъ ясно видѣть только ночью или послѣ заката солнца. Кожа ихъ, брови, рѣсницы и волосы совершенно бѣлые; глаза и ногти розовые. Люди эти неспособны ни къ ученью, ни къ работѣ. Мнѣ случилось видѣть женщину полубѣлую, получерную, съ пѣгими широкими пятнами на кожѣ; она была похожа на звѣря: ѣла, пила, спала — и больше ничего.

Всего замѣчательнѣе, что каждое дикое племя Бразиліи имѣетъ свои особенные нравы и обычаи. Напримѣръ, Бутикуды отличаются отъ враговъ своихъ (потому

что здѣсь всѣ живутъ во враждѣ) совершеннымъ отсутствіемъ добраго, нѣжнаго чувства, которое можно найти даже у самыхъ дикихъ народовъ. У нихъ нѣтъ ни братской любви, ни сыновней привязанности. Они рождаются, живутъ, оттягиваютъ уши ребенку, протыкаютъ его нижнюю губу, вкладываютъ въ нее толстый кусокъ дерева, даютъ ему въ руки лукъ и стрѣлы и, показывая на лѣсъ и пустыню, говорятъ: «вотъ твое раздолье: ступай, ищи сраженій и воюй со всѣми, кто будетъ тебѣ сопротивляться!» Если Бутикудъ умретъ, то нѣтъ ни плача, ни похоронъ. У племени однимъ человѣкомъ меньше стало — и только.

Напротивъ того, у Тупинамбасовъ, хотя они гораздо свирѣпѣе Бутикудовъ и Паиксеевъ, можно найти такія чувства любви, которыя не пострамятъ даже народа образованнаго, хотя любовь эта часто доводитъ ихъ до страшной мстительности.

Кровопролитная война завязалась между

Паиксеями и Тупинамбасами. Въ одной изъ битвъ, гдѣ зубы и ногти этихъ дикарей дѣйствовали наравнѣ съ дубинами и стрѣлами, многіе изъ самыхъ неустрашимыхъ вождей были убиты; но противники продолжали войну безъ устали. Въ послѣдней схваткѣ одна женщина видѣла, какъ мужъ ея былъ убитъ врагами, и потомъ, какъ тѣло его было истерзано въ клочки и разметано по полю. Тотчасъ же она замышляетъ страшное мщеніе и сообщаетъ его товарищамъ мужа, которые одобряютъ ее и поощряютъ.

— Изрубите мнѣ спину, грудь и плечи, говоритъ она:—выколите мнѣ одинъ глазъ, отрѣжьте на лѣвой рукѣ два пальца и потомъ пустите меня; мужъ мой будетъ отомщенъ.

Воля ея была исполнена, и при этомъ съ ея стороны не было ни одного крика, ни одной жалобы.

— Прощайте, сказала она, когда все было кончено: — если будетъ можно, то

черезъ пятьнадцать дней, въ этотъ же самый часъ, нападите на враговъ нашихъ, и я ручаюсь — ихъ будетъ меньше, чѣмъ было прежде.

Она бросается вонъ изъ своего стана, бѣжитъ и, вся облитая кровью, прибѣгаетъ къ Паиксеямъ, стоявшимъ недалеко оттуда лагеремъ. Завидѣвъ ихъ огни, она съ крикомъ бросается въ середину Паиксеевъ и падаетъ къ ногамъ вождя, испускающая стоны и вопли.

Всѣ окружаютъ ее, спрашиваютъ, и хитрая женщина прерывистымъ голосомъ говоритъ имъ, что начальники ея племени обрekli ее на смерть, за то, что она молилась объ успѣхѣ оружія Паиксеевъ; что, несмотря на угрозы своихъ одноплеменниковъ, она осмѣлилась ихъ послушаться; что ее привязали къ столбу и предали пыткамъ, которымъ подвергаютъ они обыкновенно своихъ плѣнныхъ непріятелей; что мучители ея, въ ожиданіи завтрашняго дня, заснули, а, между тѣмъ она, восполь-

зовавшись этимъ, убѣжала и просить теперь пріюта у тѣхъ, за кого приносила свои пламенные молитвы богамъ.

При видѣ ранъ этой женщины, Паиксеи повѣрили ея разсказу и поспѣшили помочь ей. Вскорѣ она, оправясь отъ ранъ, начала помогать имъ. Неусыпная, предусмотрительная на стражѣ около ихъ стана, она съ дѣятельностію оберегала его, всегда готовая подать первый крикъ тревоги. Одинъ изъ вождей избралъ ее себѣ въ жены, и она осыпаетъ его знаками преданности и любви.... Но разъ, ночью, весь лагерь въ тревогѣ. Главнѣйшіе вожди просыпаются отъ ужасной боли въ желудкѣ; они мечутся въ жесточайшихъ мукахъ; страшныя судороги сводятъ ихъ. Женщина эта, изъ мщенія, отравила весь станъ враговъ своихъ. Убѣдившись, что подсыпанная ею отравѣ подѣйствовала, женщина эта вскакиваетъ, бѣжитъ изъ лагеря и громко вскрикиваетъ. На условный крикъ ея, повторенный отголоскомъ ближней ду-

бравы, собираются Тупинамбасы, предудомленные о днѣ и часѣ этого дѣла, и побиваютъ Паиксеевъ, которые не могутъ защищаться.

Будемъ надѣяться, для блага человѣчества, что эти звѣрскія племена вскорѣ уничтожатъ другъ друга и дадутъ мѣсто образованности и просвѣщенію. Страшно подумать: для того ли Богъ создалъ человѣка, для того ли далъ ему силу и разумъ, чтобы онъ являлся звѣремъ для себя и своего собрата!

ЧЕРТЫ ИЗЪ ПРАВОВЪ НОРВЕГІИ.

Норвегія, какъ вамъ, я полагаю, извѣстно, находится на сѣверѣ Европы. Она составляетъ часть Скандинавскаго полуострова и лежитъ къ западу отъ Швеціи.

Рыбная ловля составляетъ одинъ изъ главныхъ промысловъ ея жителей; только въ южной части народъ занимается хлѣбопашествомъ. Чѣмъ дальше подвигаешься

къ сѣверу, тѣмъ скуднѣе становится почва, тѣмъ бѣднѣе вознаграждается трудъ человѣка; совсѣмъ на сѣверѣ нѣтъ уже возможности заниматься земледѣліемъ: тамъ не можетъ даже быть никакой растительности; земля жестка и кремниста; большую часть года она покрыта глубокими снѣгами. Тамъ зимнія ночи продолжаются еще долѣе, чѣмъ у насъ, и лѣтомъ едва пробиваются кое-гдѣ рѣдкая травка и мохъ.

А между тѣмъ, въ этихъ непріютныхъ мѣстахъ, даже сѣвернѣе — на островахъ выше Норвегіи — существуютъ хижины и живутъ семейства. Богъ такъ создалъ человѣка, что онъ уживается во всѣхъ странахъ, привыкаетъ ко всякому климату. Гдѣ бы ни жилъ человѣкъ, природа приготовляетъ ему способъ для жизни: въ песчаныхъ степяхъ арабъ собираетъ кокосы и финики, жители южныхъ морей имѣютъ хлѣбное дерево; Гренландецъ, живущій въ льдинахъ сѣвера, кормится и

*

одѣвается моржомъ и тюленями; Лапландцамъ данъ олень; жители сѣверныхъ частей свѣта пользуются рыбной ловлей, которая мѣстами продолжается круглый годъ, какъ въ морѣ, такъ въ рѣкахъ и озерахъ.

Рыбный промыселъ на островахъ выше Норвергіи пользуется славой во всей Европѣ. Какая это смѣлая и опасная ловля! Она происходитъ два раза въ году: зимою и лѣтомъ; первая — самая главная.

Въ началѣ января или февраля, тысячи рыбаковъ собираются вокругъ опасныхъ, скалистыхъ острововъ, гдѣ часто свирѣпствуютъ самыя яростныя бури. Глядя на жалкія хижины, едва защищающія рыбаковъ отъ выюги и холода, чувствуешь уже глубокое состраданіе.

Въ этихъ-то хижинахъ проживаютъ они, однакожь, три зимнихъ мѣсяца, далеко отъ семействъ своихъ, едва находя чѣмъ отогрѣть продрогшіе члены послѣ тяжкаго дня, проведеннаго въ грязи и въ водѣ по колѣна.

Неизбѣжная нечистота, сырость одежды, которая часто высыхаетъ на тѣлѣ, плоха пища,—все это зарождаеть болѣзни, о которыхъ часто не вылечиваются. Болѣзни большею частію: часотка, простудный ломъ въ костяхъ и цынга.

Но не всѣ рыбные промыслы Норвегіи такъ тяжелы и опасны: находятся такіе, которые, по мѣсту, гдѣ происходятъ, несравненно легче, пріятнѣе и веселѣе; тамъ уже и солнышко подогрѣваетъ рыбака и самая природа краше, привлекательнѣе богаче.

Таковъ, на примѣръ, промыселъ на рѣкахъ и озерахъ, находящихся на югѣ и внутри Норвегіи.

Самое замѣчательное изъ этихъ озеръ—озеро *Міесенъ*.

Въ немъ ловятъ не менѣе четырнадцать разныхъ родовъ рыбы, и каждый изъ этихъ родовъ превосходенъ.

Окрестности озера населены народомъ дѣятельнымъ и промышленнымъ. Промы-

шленность заключается особенно въ изготовленіи стеклянной посуды и пилкѣ лѣса. Рыбаки живутъ по берегамъ озера.

Въ рыболовное время года, какъ только наступитъ утро, семейства выходятъ изъ своихъ хижинъ, убираютъ сѣти въ лодки и отправляются на промыселъ. Мы говоримъ: *семейства*, потому что, въ этой части Норвегіи, женщины всегда почти участвуютъ въ работѣ заодно съ мужчинами. Пока мужа раскидываютъ сѣти или таскаютъ ихъ изъ воды, жены правятъ рулемъ, дочери управляютъ веслами. Матери берутъ съ собою даже маленькихъ дѣвочекъ, чтобы онѣ съизмала пріучались быть полезными будущимъ мужьямъ своимъ и братьямъ.

Быть жителей - вокругъ этихъ озеръ, — самый мирный и кроткій. Они ведутъ большею частію жизнь семейную и одно изъ главныхъ отличій ихъ отъ другихъ народовъ въ томъ, что женщины пользуются здѣсь большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Всѣ домашнія дѣла и заботы отдаются въ полное распоряженіе женщинъ. Мужъ обязанъ только доставать все нужное для жизни; самъ онъ никогда не входитъ въ хлопоты по хозяйству. Если мужъ вступается въ такое дѣло, это считается у нихъ за обиду: онъ, значить, недовѣряетъ женѣ своей, не считаетъ ея способною управляться съ домомъ. На это можно сказать только, что если жена женщина умная и честная, почему жъ ей не вести хозяйства такъ же хорошо, какъ мужу? Недаромъ говорится пословица: «Хозяинъ съ собакою на дворѣ, а кошка съ хозяйкою у печки.»

Такое завидное положеніе женщины, имѣетъ свою причину. Въ прежнія времена, когда народъ въ Норвегіи не имѣлъ вѣрнаго промысла, не основался на теперешнихъ мѣстахъ своихъ, а искалъ добычу гдѣ ни попало, тогда мужья принуждены были собираться артелями и часто уходили на промыселъ въ дальнія стороны; они

заходили далеко и на цѣлые мѣсяцы разлучались съ семьей. Во все это время домъ и хозяйство должны были поневолѣ поступать подъ надзоръ жены или старшей женщины. То, что вначалѣ было дѣломъ необходимости, вошло мало по малу въ обычай.

Надо, впрочемъ, прибавить къ этому, что женщина въ Норвегіи нисколько не уступаетъ мужчинѣ въ душевныхъ качествахъ. Тамъ честность и красота женщинъ вдвойнѣ цѣнятся, если онѣ соединены съ умомъ, благоразуміемъ и твердымъ нравомъ. Какъ не уважить такой женщины! Находясь постоянно при дѣтяхъ, она и имъ передаетъ драгоцѣнныя свойства своего нрава: съ такимъ наслѣдіемъ не пропадетъ дѣтище.

Тамъ тестъ въ похвальбу снохи своей всегда говоритъ: «Я выбралъ сыну такую жонку, которая передастъ внучатамъ храброе сердце!»

Благородству своего нрава норвежская женщина обязана законамъ, которые еще

встарину ее ограждали. Во многомъ обязана она также кроткимъ обычаямъ страны своей и тому еще, что со дня рожденія проводить жизнь въ семьѣ въ виду хорошихъ примѣровъ и правилъ.

Матери заботятся о честности дочерей столько же сколько о своей собственной чести. Честность и цѣломудріе почитаются у нихъ лучшимъ украшеніемъ и приданнымъ дѣвушки; безъ нихъ она теряетъ право на уваженіе и никогда не выходитъ замужъ. Ни одна мать не потерпитъ волокитъ въ своемъ домѣ.

По древнимъ тамошнимъ обычаямъ, выгоняли вонъ изъ усадьбы всякаго, кто насильно поцѣлуетъ свободную дѣвушку или позволить себѣ другую шалость въ томъ же родѣ. Если же это случалось по доброму согласію дѣвушки, родители имѣли право приносить жалобу обществу, и виновный присуждался къ денежному штрафу.

Какъ поступаютъ Норвежцы въ тѣхъ случаяхъ, когда свободная дѣвушка под-

далась соблазну и потеряла честь, покажетъ вамъ слѣдующій случай:

Разъ молодой человѣкъ, охотясь съ товарищами, заѣхалъ въ домъ къ одному семейнину. Дочь хозяина допустила гостя соблазнить себя и сдѣлалась беременною. Отецъ отыскалъ соблазнителя, требовалъ, чтобы онъ воротился и, для сохраненія чести дочери, женился на ней. Когда соблазнитель отказался, отецъ началъ съ нимъ сражаться. Кончилось тѣмъ, что отецъ заставилъ все-таки соблазнителя вернуться въ домъ. Молодой человѣкъ обѣщалъ жениться на оскорбленной имъ дѣвушкѣ и жить вмѣстѣ съ тестемъ. Черезъ нѣсколько дней, въ отсутствіе отца, онъ опять бѣжалъ. Раздраженный отецъ снова догналъ его и на этотъ разъ изрубилъ въ мелкіе куски. Обольщенные дѣвушки зависѣли встарину отъ милосердія отца и матери; родители имѣли право поступать съ ними, какъ хотѣли: могли простить имъ вину, могли лишить ихъ правъ дочери и выгнать изъ дому.

Но такіе примѣры рѣдки въ Норвегіи: честность женъ и дѣвушекъ здѣсь въ самомъ обычаѣ.

Вообще говоря, норвежской женщинѣ выпала завидная доля. Она не знаетъ принужденія снѣдающаго женскую жизнь у другихъ народовъ; въ домѣ своемъ она полная хозяйка, она не раба, а подруга.

Въ Норвегіи существуетъ законъ, опредѣляющій наказаніе за обиду женщинѣ. Тамъ считаютъ постыднымъ браниться съ женою. Поднять на нее руку позволяется развѣ въ тѣхъ только случаяхъ, когда сама она безпорядочнымъ поведеніемъ подала къ тому поводъ.

Счастіе и жизнь женщины зависятъ все-таки отъ мужчины. Изъ того, что сказано здѣсь о женщинахъ, можно уже судить о нравахъ мужчинъ. Многимъ можетъ показаться, что власть женъ происходитъ тамъ отъ потворства и слабости мужей и отцовъ; но это несправедливо. Дѣло въ томъ, что мужчины въ Норвегіи нравомъ своимъ

такъ же благородны, какъ и женщины. Жена беретъ власть свою не силою или хитростию: она дается ей какъ знакъ довѣрія; тамъ мужъ ищетъ въ женѣ не воловую работницу, но настоящую помощницу, подругу, которая, умѣя подсобить ему въ дѣлахъ его, умѣла бы въ то же время раздѣлить съ имъ сердечную тоску и радость.

Изъ этого выходятъ взаимное довѣріе, любовь и уваженіе другъ къ другу.

Мудрено ли, если, при такихъ обычаяхъ, жители той части Норвегіи, о которой шла рѣчь, ведутъ самую счастливую жизнь. Мудрено ли что тамъ и старецъ, и мужъ, и жена, и самыя дѣти, проведя день въ трудахъ, возвращаются подъ родной кровъ, въ семью свою съ радостнымъ, легкимъ сердцемъ.

НОВО-ЗЕЛАНДЦЫ.

Недалеко отъ Новой Голландіи, находится небольшой, гористый и дикій островъ *Новая Зеландія*.

Островъ этотъ—настоящее гнѣздо разбойниковъ: онъ населенъ дикарями—людоѣдами, которыхъ ничѣмъ не могли отучить отъ грабежа, рѣзни и разбоя. Иногда заходятъ на Новую Зеландію китоловныя и другія суда, чтобъ отдохнуть или налиться водой, или занесетъ туда случайно заѣзжаго путешественника. Если Ново-Зеландцы встрѣтятъ чужаго человѣка сначала мирно и дружелюбно, то это для того только, чтобы ловчѣе обмануть, а потомъ убить или ограбить.

Хижины свои строятъ они изъ тростника, на берегу моря. Какъ только завидятъ они какое нибудь судно, тотчасъ всѣ бросаются въ свои шлюпки, подѣзжаютъ и начинаютъ плясать, скакать, смѣяться, клянутся морякамъ въ дружбѣ, дѣлаются ихъ пріятелями и зовутъ къ себѣ въ гости. Довѣрчивые моряки съ радости съѣзжаютъ на берегъ, но оттуда уже рѣдко возвращаются: если только представится случай, дикари навѣрное убьютъ ихъ; потомъ они

ограбятъ судно и унесутъ оружіе, которое берегутъ на новыя злодѣйства.

Каждый Ново-Зеландецъ считаетъ себя съ дѣтства заклятымъ врагомъ всякаго иностранца, и нѣтъ года, когда бы не случилось на этомъ островѣ какой нибудь страшной рѣзни.

Вездѣ въ ново-зеландскихъ деревняхъ существуетъ одинъ или два начальника, которыхъ дикари слушаются во всемъ безпрекословно.

Нигдѣ, ни въ какой странѣ, не выбираютъ начальниковъ такъ, какъ это дѣлается въ Новой Зеландіи. У народовъ образованныхъ начальникомъ обыкновенно тотъ, кто способенъ, ученъ, честенъ и уменъ. Такъ оно и должно быть. Въ Новой Зеландіи отъ начальника требуются только сила, ловкость, смѣлость и терпѣніе переносить мучительныя пытки.

Передъ тѣмъ, чтобы выбрать въ начальники, дикарю обыкновенно выводятъ на лицѣ разные узоры. Начинаютъ всегда со

лба и острою костью нарѣзываютъ на немъ борозды, до тѣхъ поръ, пока на лбу не останется живаго мѣста; тогда борозды поливаютъ водой и намазываютъ составомъ, отъ котораго узоры остаются на всю жизнь. Когда дикарь, во время этого мученья, не только не закричитъ, но даже и не поморщится, его дѣлаютъ вторымъ лицомъ послѣ главнаго начальника. Потомъ продолжаютъ пытку далѣе: изрѣзываютъ скулу и выводятъ на ней круги, истыкаютъ щеки, носъ, подбородокъ, губы, такимъ образомъ, что все лицо становится похожимъ на одну болящую рану. Если и при этомъ дикарь терпѣливо перенесъ боль и во время пытки разговаривалъ, какъ всегда, съ своими сосѣдями, его признаютъ уже достойнымъ быть главнымъ начальникомъ. Онъ повелѣваетъ другими, и на праздникахъ ему всегда достается лучшій кусокъ человѣческаго мяса.

Съ такимъ-то начальникомъ Ново-Зеландіи встрѣтился разъ одинъ путеше-

ственникъ и провелъ съ нимъ цѣлыя сутки неразлучно.

Вотъ что рассказывалъ этотъ путешественникъ.

«Начальника этого звали Тахабэ; онъ славится въ своемъ окологдѣ разбоями и убійствами. Когда я встрѣтилъ первый разъ этого здороваго и коренастаго силача, съ важной походкой и глазами, какъ у коршуна, признаюсь, я оробѣлъ нѣсколько.

«Дикарь былъ совершенно голый; въ рукахъ держалъ онъ большой кремневый камень, крѣпко насаженный на деревянную рукоятку; другой камень, сѣроватаго цвѣта, подвязанный ремнемъ, висѣлъ у него на боку. Я зналъ, что съ такимъ молодцомъ шутить опасно; я не сводилъ съ него глазъ и держалъ наготовѣ подъ полой два отличныхъ пистолета и добрый кинжалъ. Когда Ново-Зеландецъ замѣтилъ что занимаю слѣдять, ему это, кажется, сначала не понравилось; но потомъ онъ пересталъ, казалось, объ этомъ заботиться и не обра-

щаль уже на меня никакого вниманія. Я досталь изъ кармана памятную книжку, съль и сдѣлаль видъ, какъ будто рисую окрестные виды.

«Недалеко отъ того мѣста, изъ-за зеленыхъ дубковъ, выглянулъ красивый домикъ поселенца, обнесенный плетнемъ, за которымъ нѣсколько пѣтуховъ важно прохаживались между курами. Ново-Зеландецъ подошелъ къ домику, всталъ на скамейку и оттуда пустиль камнемъ въ пѣтуха, котораго убилъ съ разу; потомъ разломаль онъ руками плетень, влѣзъ въ отверстіе, подняль убитаго пѣтуха и вышелъ оттуда, какъ будто ровно ничего не сдѣлаль худаго, какъ словно все ему принадлежало и онъ имѣль на это полное право. Онъ спокойно отправился къ опушкѣ лѣса, присѣль на корточки у обрубленнаго пня, ощиपालъ пѣтуху перья и съль его сыраго. Пообѣдавъ такимъ образомъ, онъ попытался заснуть, но, услыхавъ возлѣ себя шумъ, быстро повернулъ голову и увидѣль

огромную крысу. Дикарь вскочилъ на ноги, пустилъ въ нее камнемъ и убилъ на мѣстѣ. Обнюхавъ ее и, должно быть, не найдя ее по своему вкусу, онъ отбросилъ ее далеко въ сторону. Послѣ этого дикарь гордо поднялъ голову, повернулся раза три на пяткахъ, взялъ въ каждую руку по камню и нѣсколько разъ ударилъ ихъ одинъ объ другой. Не знаю, что это означало. Послѣ этого дикарь отправился къ небольшому лѣску, прилегъ подъ дерево и вскорѣ заснулъ. Пользуясь этимъ, я подошелъ къ нему и сталъ его срисовывать. Я не успѣлъ сдѣлать и половины работы, какъ дикарь открылъ глаза. Увидя меня, онъ нахмурился и смѣло пошелъ мнѣ навстрѣчу. Сначала я было испугался. Взявъ поскорѣй въ руку одинъ изъ пистолетовъ, я рѣшился подождать его. Дикарь, вѣрно, замѣтилъ мое движеніе: онъ бросилъ на землю свои камни, какъ бы желая показать, что не хочетъ сдѣлать мнѣ никакого вреда. Я въ свой чередъ, опустилъ пистолетъ. Тогда

дикарь сѣлъ подлѣ меня, дружески облокотился на мои плечи и знаками просилъ показать ему мою работу. Я открылъ тетрадь и показалъ ему нѣсколько рисунковъ, изъ которыхъ онъ, повидимому, ничего не понялъ; но какъ за то обрадовался онъ когда увидѣлъ портретъ одного зарисованнаго дикаря. Этотъ рисунокъ онъ тотчасъ понялъ и долго смотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

«Спустя нѣсколько времени, онъ всталъ, поднялъ свои каменья и, не сказавъ мнѣ ни одного слова, не сдѣлавъ никакого знака, пошелъ въ лѣсъ, ни разу даже не обернувшись. Я рѣшился итти за нимъ; но едва сдѣлавъ я нѣсколько шаговъ, какъ началъ уже раскаяваться въ своей неосторожности. Мое любопытство очевидно ему не нравилось; каждое его движеніе ясно говорило, что я долженъ былъ готовиться къ защитѣ. Вступить съ нимъ въ бой было бы весьма опасно: пистолетъ могъ дать осѣчку, я могъ промахнуться, — и тогда

мнѣ неизбѣжать бы смерти: дикари эти, даромъ что оружіе ихъ состоитъ изъ однихъ камней, промаху не знаютъ. Я на всякой случай, однакожь, приготовился.

«Дикарь вдругъ обернулся, быстро подошелъ ко мнѣ и началъ что-то громко говорить. Зубы его сильно стучали, пальцы на рукахъ корчились. Догадавшись, что онъ хочетъ, чтобы я оставилъ его, я далъ знакъ что удаляюсь и дѣйствительно, пошелъ своею дорогой, радуясь въ душѣ, что все дѣло такъ миролюбиво кончилось.

«Пройдя сотню шаговъ, мнѣ стало, однакожь, стыдно за свою трусость, и я рѣшился къ нему воротиться. Осмотрѣвъ свои пистолеты, я направился къ той части лѣса, куда исчезъ Ново-Зеландецъ. Немного погодя, я нашелъ его: онъ сидѣлъ на пнѣ и жадно жевалъ мясо какого-то животного. Увидя меня, онъ зарычалъ еще громче прежняго, бросилъ остатки своего завтрака и прямо пошелъ на меня. Когда онъ подошелъ близко, я сказалъ ему нѣсколько

словъ, стараясь выговорить ихъ какъ можно ласковѣе; но дикарь на это не обратилъ никакого вниманія и принялъ угрожающій видъ. Я тотчасъ-же поднялъ пистолетъ: это, казалось, нѣсколько усмирило его. Онъ бросилъ къ ногамъ своимъ одинъ изъ камней, а другой показалъ мнѣ, давая знать, не хочу ли я промѣнять его на пистолетъ. Я сдѣлалъ видъ, какъ будто соглашаюсь, и когда обрадованный дикарь подошелъ ко мнѣ, я поднялъ проворно пистолетъ и выстрѣлилъ на воздухъ. При этомъ плуть-дикарь сдѣлалъ скачекъ и быстро схватилъ камень, брошенный имъ на землю. Я ожидалъ этого и поспѣшилъ показать, что у меня есть еще другой пистолетъ заряженный; вмѣстѣ съ тѣмъ я ясно выказалъ ему намѣреніе выстрѣлить въ него, при малѣйшемъ съ его стороны покушеніи. Тогда, дружески улыбаясь, дикарь снова предложилъ мнѣ свой камень; я взялъ его, а разряженный пистолетъ, который былъ уже не опасенъ, отдалъ ему. Послѣ этого мы,

какъ пріятели, отправились вмѣстѣ лѣсомъ. Выходя изъ лѣсу, увидѣли мы нѣсколько тростниковыхъ шалашей и пошли къ нимъ. Шалаша принадлежали какому нибудь кочующему дикому племени.

«Мы не нашли тамъ ни одного человѣка. Товарищу моему, должно быть, не понравились эти жилища; онъ усердно принялся разбивать дома расталкивая ихъ ногами и бросая въ нихъ камни. Въ это время не вдалекѣ послышался шумъ: дикарь откинулся въ сторону, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобы я спрятался.

«Едва успѣли мы скрыться за кусты, какъ показалась толпа дикихъ. Ихъ было всего 22 человѣка. Они громко разговаривали и махали руками, потомъ всѣ присѣли на корточки и тогда начали говорить по очереди, одинъ послѣ другаго.

«Пріятель мой Ново-Зеландецъ, казалось, дрожалъ отъ злости. Онъ готовился уже на нихъ броситься когда раздался въ сторонѣ новый шумъ.

«При этомъ Ново-Зеландецъ торопливо спрятался за дерево; я, съ своей стороны, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, приготовляясь бѣжать какъ только понадобится.

«Первая толпа, услышавъ шумъ, поднялась со своихъ мѣстъ; всѣ поспѣшно схватили свои камни.

«Шумъ становился все слышнѣй и слышнѣй и вдругъ неожиданно изъ лѣсу показалась новая ватага дикихъ; они остановились противъ первыхъ и замахали своимъ оружіемъ. Но не успѣли они еще сойтись, какъ вдругъ Ново-Зеландецъ крикнулъ пронзительнымъ голосомъ, бросился впередъ и съ одного удара положилъ на повалъ одного изъ главныхъ воиновъ первой шайки.

Ошеломленные дикари остановились какъ вкопанные. Все стихло на минуту; только умирающій воинъ страшно стоналъ и корчился въ предсмертныхъ судорогахъ.

«Зная что этимъ дѣло не кончится и начнется тотчасъ же жестокое кровопроли-

тіе, я поспѣшно удалился и вскорѣ пришелъ назадъ въ колонію».

Вечеромъ въ тотъ же день, путешественникъ еще разъ встрѣтилъ знакомаго своего Ново-Зеландца на дворѣ одного купца-колонииста. Онъ предложилъ ему мяса и хлѣба; но Ново-Зеландецъ отказался. Такой знакъ удивилъ путешественника, знавшаго жадность дикаря; но что значило это удивленіе передъ тѣмъ когда узналъ онъ причину отказа.

Дикарь объяснилъ понимавшимъ его языкъ, что онъ не хочетъ мяса, потому что нынче убилъ врага и славно имъ пообѣдалъ.

РУССКІЙ ПАХАРЬ.

Мятель, которая бушевала всю ночь, утихла къ утру. Тучи расходились, открывая въ небѣ лазоревыя пятна. Свѣтлѣй и свѣтлѣй становилась окрестность. Вдругъ вѣтеръ вянулъ сильнѣе, и, откуда ни возъ-

мись, глянуло солнышко.... Мигомъ все приняло другой видъ. Ослѣпительной бѣлизной сверкнула улица; ярко заблистали занесенныя снѣгомъ избушки, униженные лдяными сосульками, сіявшими какъ брилліанты. Разомъ все оживилось. Заскрыпѣли ворота и калитки. На улицѣ показалась баба, закутанная такъ, что внаружу выглядывали одинъ красный носъ да поси-нѣвшія отъ стужи руки, которыми держала она валежъ и коромысло. За нею, изъ разныхъ концовъ, выползли ребяташки, укутанные отцовскими полушубками. Немного погодя, сбились они въ кучку; составилъ кружокъ. Появилось рѣшето, облитое льдомъ, съ привязанною къ боку веревкой. Въ него утѣлась дѣвченка, еле-еле дышавшая изъ-подъ взгромозженнаго на нее кожуха. Толпа ребятъ схватилась за веревочку, раздался крикъ, и вотъ понеслись они по улицѣ — только снѣгъ столбомъ да вѣтеръ съ морозомъ навстрѣчу!

Почти въ то же время, на другомъ концѣ

деревни, остановились сани, запряженные вороной кобылкой, подлѣ которой бѣжалъ жеребенокъ. Изъ саней вылѣзъ низенькій старичекъ. Это былъ пахарь Демьянъ; онъ наканунѣ отправился въ уѣздный городъ по своимъ надобностямъ. Прежде всего онъ отряхнулъ кожаную шапку, провелъ варишками по обледенѣлой бородѣ и наконецъ принялся отворять околицу. Затѣмъ онъ взялъ лошадь подъ уздцы и пошелъ шагомъ по улицѣ.

— Ну, должно быть, здѣсь мятелица была поздоровѣе чѣмъ въ городѣ: вишь, какіе сугробы! сказалъ Демьянъ, останавливаясь передъ своими воротами.

Онъ отгребъ кой-какъ снѣгъ, вѣхалъ на дворъ, вынулъ изъ саней кусокъ мерзлой говядины, потомъ узелокъ, завязанный въ клѣтчатый платокъ, и, не распрягая лошади, вошелъ въ сѣни. Ему не хотѣлось, чтобъ хозяйка и домашніе увидали его съ этимъ узелкомъ: тамъ находились подарки женѣ и снохѣ. Демьяну хотѣлось

спрятать все это до поры, до времени и потомъ, неожиданно, порадовать домашнихъ своими покупками. Онъ сунулъ узелокъ за плетушку, куда сажаютъ куръ на яйца, и поспѣшно подошелъ къ двери. Дверь скрипнула, и Демьянъ, похлопывая лаптями и рукавицами, вошелъ въ избу.

— Здравствуй, кормилецъ! Что такъ поздно? вымолвила старуха жена Демьяна, выходя изъ-за печки.

— Здорово, хозяйка! сказалъ Демьянъ, отряхиваясь. — Спрашиваешь: поздно зачѣмъ?... Выѣхалъ я изъ города чѣмъ свѣтъ, да такая-то вьюга, мятель поднялась, зги не видать. Со мной, какъ на зло, ввязался жеребенокъ. Что станешь дѣлать! вернулся назадъ, обождалъ маленько.... Ну, да теперь недосугъ мнѣ съ тобой калякать.... На возьми, примолвилъ онъ, подавая ей говядину: подкинь во щи да ступай скорѣй ко мнѣ....

— Ахъ ты, Господи! намени барана зарѣзали, а онъ — вишь чего — говядину

покупать задумалъ! Аль денегъ тебѣ дѣвать не куда? — заворчала старуха.

— Ну, вотъ, лиха бѣда! щи послаще будутъ! возразилъ, смѣясь, Демьянъ.

По всему было замѣтно, Демьянъ былъ чѣмъ-то очень доволенъ; онъ не переставалъ посмѣиваться и весело потряхивалъ своей сѣдою головою.

— Ну, а молодые-то наши гдѣ? спросилъ, онъ озираясь на стороны.

— Вистимо, не сидѣть имъ безъ дѣла, ворчала жена, роясь подлѣ горшковъ: — они на гумно пошли, молотятъ....

— Ладно, ладно, ступай сюда, продолжалъ мужъ: — пособи-ка одѣться: пора въ контору итти. Я и то запоздалъ маленько съ оброкомъ. Теперь всѣ деньги сполна выручилъ: муки продалъ возъ да телушку... Надо скорѣй деньги нести управителю...

Демьянъ натянулъ, съ помощію своей старухи, полушубокъ, подпоясался новымъ кушакомъ и снялъ съ шестка новую

шапку, подаренную ему молодою снохою.

— Готово, ладно, время итти, сказалъ онъ: — да вотъ что: неравно запоздаю тамъ, вели Петрухъ, какъ придетъ изъ гумна, убрать лошадь: она стоитъ, сердечная, нераспряженная....

Сказавъ это, Демьянъ вышелъ на улицу и побрелъ частымъ шагомъ въ контору.

Въ конторѣ пробылъ онъ долѣе, чѣмъ думалъ. Народу толкалось тамъ множество: наступалъ послѣдній срокъ взноса оброка. Демьянъ заболтался съ сосѣдами и вышелъ изъ послѣднихъ.

Но, несмотря на то, радость и довольство виднѣлись на лицѣ пахаря когда онъ вновь очутился на улицѣ.

Трудовой годъ, слава Господу Богу, минулъ благополучно: оброкъ внесенъ сполна; въ домѣ осталось еще денегенокъ про случай; и хлѣбушка есть, и гречишка есть; и сына-то привелъ Богъ поженить

передъ масляной: хозяйка молодая, сноха выпалась не вздорная какая, а лихая, работающая бабенка, да смирная, смирная — водой не замутишь. Чего же больше?... И какъ въ заправду не радоваться?...

Душа демьянова плавала словно въ масле. Подбоченясь шелъ онъ по улицѣ, не переставая ухмыляться въ бороду и весело посматривая то въ ту сторону, то въ другую.

И вокругъ все смотрѣло какъ-то весело.

Весело глядѣла сіявшая на солнцѣ улица; весело улыбались охваченныя свѣтомъ избушки, униженные сверкающими ледяными сосульками.

Демьяну было такъ легко, такъ весело было у него на сердцѣ, что, встрѣтивъ толпу ребятишекъ съ рѣшетомъ и сидѣвшею въ немъ дѣвченкою, онъ никакъ не могъ утерпѣть: захопалъ рукавицами и крикнулъ притоптывая ногами: «Эхъ терехъ-техъ-техъ! погоняй, не стой!...»

Въ другой разъ, уже у самага дома, онъ, ни съ того, ни съ сего, снялъ шапку и крикнулъ «здорово, свать!» какому-то мужичку, который, по дальности разстоянія, никакъ не могъ его слышать.

Войдя въ сѣни, онъ оглянулъ свой узелокъ, снова сунулъ его за плетушку и, натопавшись вволю, отворилъ дверь избы.

Запахъ жирныхъ щей съ говядиной порадовалъ Демьяна немало; да и все вокругъ какъ-то радовало.

Золотой лучъ солнца, проходя въ окно, игралъ на полу и отражался на ризѣ старой иконы и на мѣдныхъ крестахъ, стоявшихъ въ красномъ углу.

На лавочкѣ подлѣ окна сидѣла Параша, молоденькая сноха Демьяна. Противъ нея торчалъ высокій кленевый гребень съ бѣлымъ пучкомъ льну, изъ котораго тянула она лѣвою рукою длинную дрожащую нитку; въ другой рукѣ ея гудѣло, подпрыгивая, веретено, которымъ игралъ пестрый котенокъ. Въ углу, за станомъ сидѣлъ

Петръ, сынъ Демьяна, и шелканье челнока вторило шуму веретена. Подлѣ стана, на полу, играли два мальчика, младшіе сынишки пахаря. Изъ-за перегородки раздавались веселый трескъ печки и торопливое бѣганье старухи, хозяйки, прерываемое то звяканьемъ кочерги или ухвата, то шипѣньемъ горшка.

Въ избѣ было тепло, даже жарко.

— Э, ге-ге, да они ужь дома всѣ! Здорово, сношенька! какъ живешь можешь? Здорово, Петруха.... Ей, парнишки, что къ отцу нейдете? говорилъ Демьянъ, останавливаясь посередь избы и обращая поочередно къ каждому смѣющееся лицо свое: — а я въ городѣ былъ.... Такая-то давка на базарѣ: насилу телушку продалъ....

Заслыша рѣчь о городѣ, мальчики бросили свои игры, подобрались къ отцу и начали къ нему ластиться.

— Петруха! глядь, глядь.... а? произнесъ Демьянъ, лукаво подмигивая ему на

ребятишекъ. Вишь, лакомки какіе! Думали, разъ привезъ гостинца, такъ и каждый разъ будетъ.... Ну что, аль не вѣрите?... Взаправду, не привезъ...

— Привезъ! привезъ! кричали мальчики цѣпляясь ему за полы.

— Ой-ли? слышь, вѣры неймутъ, а? экіе прыткіе!... А развѣ вы мнѣ денегъ дали? откуда я ихъ возьму? Парнишки выпустили изъ рукъ полу и тотчасъ же надули губы. Демьянъ покосился на Парашу, которая остановила веретено и, смѣясь, глядѣла на мальчиковъ, потомъ покосился на Петра и, какъ бы ни въ чемъ не бывало, вышелъ изъ избы въ сѣни, плотно заперевъ за собою дверь.

Онъ вынулъ изъ узелка синій набивной платокъ, который купилъ для своей старухи, бережно спряталъ его за пазуху и, завязавъ узелъ, вошелъ съ нимъ въ избу.

— Ну, такъ ужъ и быть, подите сюда шалыганы! крикнулъ Демьянъ мальчишкамъ, жалобно толковавшимъ о чемъ-то за пе-

чуркой съ матерью.—Стойте!... Экъ ихъ! чуть съ ногъ не сбили... Погодите: меньшей садись на край, слыхали вы это?—Ну, сношенька наша любезная, примолвилъ старый пахарь, подавая Парашѣ коты, отороченные красными и желтыми городочками: — вотъ тебѣ гостинецъ. Не побрезгай... Просимъ носить да насъ миловать.

Тутъ Демьянъ трижды поцѣловася съ Парашей.

— Ну, ребяташки, вотъ и вамъ! Любо, что ли? сказалъ Демьянъ, подавая каждому пряничный конекъ и дѣлая видъ, какъ бы вовсе не замѣчалъ своей старухи, которая украдкою глядѣла на мужа изъ-за своихъ горшковъ. — Хозяйка, подь-ка сюда! сказалъ Демьянъ, подзывая жену, — ну, родная, тебѣ, знать, не на счастье везъ гостинецъ. И Господь это знаетъ, какъ случилось: кажись, въ томъ же узлѣ былъ и крѣпко какъ связалъ его, глядь анъ нѣту, не знать—куда дѣвался! Должно быть, обронилъ его

на дорогѣ.... Не посерчай, благо не забылъ тебя: купилъ. Что ты станешь дѣлать! далъ зѣвуна, обронилъ да и полно.

Далѣ Демьянъ не могъ держаться: онъ нагнулся къ сморщенному лицу своей старухи, ударилъ себя ладонями по колѣнямъ и залился громкимъ смѣхомъ.

— Ну, чего ты! чего!... Экъ его разбираетъ! ему бы все смѣшки да смѣшки! Деньги только понапрасну разсорилъ... знать, много ихъ у тебя... Ну, чего! Эхъ, дурень, прости Господи, право, дурень! хоть бы на старости лѣтъ людей посрамился!...

Она не договорила долѣе. Демьянъ проворно вынулъ изъ-за пазухи платокъ, тряхнулъ имъ по воздуху, набросилъ его на голову женѣ и, схватившись за бока, бросился на лавку, заливаясь еще пуще прежняго.

Всѣ, сколько ни было въ избѣ, также разсмѣялись.

— Ну, хозяйка, на радостяхъ-то шеве-

лись, не лѣнись, поворачивайся! что есть въ печи, на столъ мечи! Давай скорѣй обѣдать. Смерть проголодался; да и всѣ-то вы, я чай, ждали.... Эхъ! щи-то, щи какъ пахиваютъ! только слюньки текутъ!...

Немного погодя, старуха поставила на столъ горшокъ шипящихъ щей; Параша раздала ложки, наръзала хлѣба, и вся семья, перекрестившись передъ образомъ, усѣлась обѣдать.

— Ну, вотъ, родные, и оброкъ внесли сполна, и годъ, благодареніе Царю Небесному, прошелъ благополучно, сказалъ Демьянъ, прихлебывая горячихъ щей: — а по веснѣ сдавалось мнѣ, не быть такому добру; да, видно, не земля родить, а годъ... Помнишь, Петруха, какъ сомнѣвались мы тогда, идучи съ тобою березникомъ? Что говорить, наша доля заботная! Не то радоваться стать, не то плакать. То по дождю болить сердце; станетъ засушь — пропадешь, думаешь; то мало дождя —

опять бѣда; то града боишься, то за скотину намучаешься вволюшку. Только вотъ въ зиму и отведешь душу, вздохнешь особливо, какъ уродить Господь всякаго жита да всего припасено на случай.... Лиха бѣда помолотиться да хворостинки припасти; а тамъ отдыхай себѣ, пока не заиграють опять овражки, не пойдетъ капель съ кровель да не чиликнетъ жавороночекъ на проталинкѣ; а тамъ опять пошелъ крестить ниву да почесывать затылокъ, глядя на тучку аль на солнышко.... Нѣтъ, ноньче, грѣшно говорить, годъ вышелъ хорошій; не знаю, какъ-то пошлетъ будущій....

— Надо, кажись, быть хорошему, касатикъ! возразила старуха: — въ сочельникъ вышла я за ворота, гляжу такъ-то: небо синее, синее, звѣздамъ перечету нѣтъ, такъ и горять, словно угольки какіе...

— Давай Богъ! Чего много просить! былъ бы такой, какъ нынѣшній: много довольны были бы Господомъ Богомъ!—Вотъ

примолвилъ онъ, шутливо трепля по плечу Парашу: — и молодую хозяйошку нынче нажили! Смотри же, сношенька наша любезная, живи такъ, чтобы намъ старикамъ не каяться, а тѣбѣ жить въ любви съ парнемъ нашимъ, не маяться... такъ, что ли, Петруха?...

Петръ усмѣхнулся и поглядѣлъ на жену, которая, опустивъ глаза, зардѣла что макъ алый.

— Ну, теперь, я чай, и вздохнуть пора: смерть умаялся съ дороги. Печь-то добре горяча... Ай да хозяйка уважила, произнесъ Демьянъ, выходя изъ-за стола.

Онъ перекрестился, снялъ съ шестка кожухъ и полѣзъ на печь порасправить старыя косточки.

Немного погода, въ потемнѣвшей избушкѣ сверкнула лучина; снова загудѣло веретено, снова раздалось мѣрное пощелкиванье челнока. Старушка подсѣла къ Парашѣ; ребятишки присоединились къ нимъ, вмѣстѣ съ котенкомъ, и полились тихія,

кроткія рѣчи подъ шумокъ веретена и прялки, которою управляла подслѣповатая хозяйка.

Быстро проходитъ зимній вечеръ въ кругу семейномъ. Ребятишки уже давно прикорнули на лавкѣ или на колѣняхъ бабушки; старушка, начинавшая кивать головою, отправилась съ ними на печку; Петръ и Параша взмоглись на теплыя палаты; лучина угасла, и вскорѣ все смолкло въ избушкѣ пахаря Демьяна.

Одинъ лишь сверчокъ-полунощникъ тянулъ звонкую пѣсню свою.... тише.... тише.... вдругъ остановится, прислушается какъ словно къ чему-то, и снова трещить неугомонная пѣснь его всю ночь, вплоть до самаго свѣта....

НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ И ЕЯ ЖИТЕЛИ.

Я много путешествовалъ и былъ во многихъ мѣстахъ: былъ я въ Бразиліи, гдѣ громадныя лѣса, куда до меня не ступала

нога человѣческая, былъ на разныхъ дикихъ островахъ, приводилось быть свидѣтелемъ штилей Тихаго океана и выдерживать страшныя морскія бури; но всѣ эти явленія и впечатлѣнія или забыты мною, или постепенно изглаживаются изъ памяти.

Не забылъ я только путешествія въ Новую Голландію. Въ этой странѣ встрѣчаются такіе случаи, такіе люди и нравы, которыхъ нигдѣ больше не увидишь.

Новая Голландія считается самымъ большимъ островомъ на всемъ земномъ шарѣ. Островъ такъ обширенъ, что на немъ могло бы помѣститься нѣсколько такихъ государствъ, какъ Данія, Бельгія и даже Франція. Берега острова населены, плодородны, изобильны лѣсомъ, дичью и рыбою. Вообще говоря, страна удобна для жизни.

Береговое населеніе составляютъ: частью ссыльные, ежегодно присылаемые изъ Англіи, частью промышленники изъ

всѣхъ остальныхъ странъ свѣта и, наконецъ, бѣдняки, которые поселились здѣсь по своей волѣ, потому что въ Западной Европѣ не доставало имъ ни мѣста, ни хлѣба.

Внутренность острова очень мало известна; тамъ много такихъ мѣстъ, куда до сихъ поръ не могъ пробраться ни одинъ Европеецъ. Дремучіе лѣса, непроходимыя пропасти, быстрыя рѣки, кровожадные звѣри и такіе же почти кровожадные дикари, — все это останавливаетъ смѣльчаковъ, желающихъ заглянуть поглубже въ островъ.

Коснувшись дикарей, можно смѣло сказать, что нѣтъ людей болѣе жестокихъ, отвратительныхъ, болѣе животное-подобныхъ. Небреженіе, въ которомъ оставляютъ ихъ Англичане, ужасно и почти невѣроятно. Оно тѣмъ менѣе простительно, что на той же землѣ находятся цвѣтушія англійскія колоніи или поселенія и такіе города, какъ, на примѣръ, *Портъ-Жаксонъ*, столица острова.

Нагіе, покрытые грязью, болячками и язвами всякаго рода, дикіе эти едва похожи на людей.

Маленькій, вдавленный лобъ, глаза небольшие и безжизненные, носъ столько же широкій какъ ротъ, — ротъ который идетъ почти отъ одного уха къ другому, огромныя руки и ступни, страшная худоба тѣла, недостатокъ стройности, составляютъ отличительныя черты ихъ наружности. Все это соединенное вмѣстѣ даетъ имъ скорѣе видъ обезьяны, чѣмъ человека.

Они заходятъ иногда въ города и селенія. Въ *Портъ-Жаксонъ* бродятъ они по улицамъ цѣлыми семействами. Подойдя къ дому, предлагаютъ они кожу змѣи или какого нибудь звѣря въ обмѣнъ на стаканъ водки. Попойка начинается немедленно. Такъ какъ водка тамъ очень крѣпка и они къ ней непривычны, она дѣйствуетъ на нихъ чрезвычайно сильно: скоро всѣми овладѣваетъ изступленіе и яростными криками наполняютъ они воздухъ. Начинаютъ

ся безобразное кривлянье, пѣсни и наконецъ, драка и поединки.

Тогда выходятъ бойцы. Сначала они грозятъ другъ другу, машутъ руками, примѣрно нападаютъ и отступаютъ, потомъ берутъ палицы, къ концу которыхъ прикрѣпленъ толстый камень. Назначивъ цѣль и отойдя назадъ, начинаютъ они бросать въ нее со всего размаха своими палицами. Они выходятъ обыкновенно на такой бой по очереди и по два человѣка. Тотъ, кто попалъ ближе къ цѣли, провозглашается побѣдителемъ. Побѣжденный, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, становится на колѣни передъ побѣдителемъ, который имѣетъ право хватить его палицей въ голову и раздробить ему черепъ.

Въ случаѣ, когда побѣжденный, ловкимъ движеніемъ въ сторону, успѣетъ избѣжать бѣды, изъ побѣжденнаго онъ дѣлается побѣдителемъ. Такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто нибудь останется на мѣстѣ.

Послѣ боя, мужчины и женщины окружають тѣло убитаго, взваливають его на плечи и выносятъ за городъ, тамъ бросають его въ рѣку или зарываютъ въ яму.

Не видно при этомъ ни слезъ, ни даже жалости. Однимъ человѣкомъ меньше стало — вотъ и все!

Бракъ совершается у нихъ съ бѣльшимъ обрядомъ, чѣмъ похороны.

Узнавъ, что въ одномъ скопищѣ должна была происходить свадьба, я отправился къ мѣсту сходки. Мѣсто находилось за городомъ, въ старомъ, полуразрушенномъ сараѣ, брошенномъ давно хозяевами. Какъ только успѣлъ я прійти и помѣститься за стѣнкой, откуда могъ все видѣть украдкой, сборище дикарей встало и по знаку, данному старшиной, — вѣроятно отцомъ невесты, — направилось къ небольшому лугу, находившемуся поблизости.

Прійдя на лугъ, толпа сдѣлала небольшой привалъ. На нѣсколько минутъ все успокоилось и замолкло.

Наконецъ всталъ *молодой*. Медленнымъ шагомъ подошелъ онъ къ невѣстѣ, взялъ ее за руку, поставилъ передъ собою и про-бормоталъ нѣсколько звуковъ. Онъ, должно быть, обѣщалъ сдѣлать счастье ея замужней жизни. Окончивъ бормотанье, молодой подскочилъ вдругъ къ невѣстѣ, плюнулъ ей въ лицо и, взявъ на большой палецъ правой руки краснаго порошка, началъ выводить имъ по лбу невѣсты разные узоры. Росписавъ ей такимъ же образомъ шею, грудь и плечи, женихъ взялъ на палецъ бѣлаго порошка, и, поплеывая на мѣсто попадавшееся подъ руку, сталъ опять выводить узоры. Когда наконецъ невѣста сдѣлалась совершенно полосатою, женихъ провелъ ее съ гордостію мимо своихъ родственниковъ и товарищей: онъ словно хвасталъ ею.

Послѣ этого на нѣсколько минутъ снова всѣ умолкли. Но раздался повелительный крикъ старшины: женихъ вскочилъ и началъ топтать ногами и пѣть. Все сбо-

рище поднялось за нимъ и стало ему вторить.

Какъ только кончилось пѣніе, женихъ взялъ невѣсту за обѣ руки и подвелъ ее къ высокому, тутъ же стоявшему дереву. Старшій родственникъ подаль ему деревянный гвоздь и камень. Женихъ прислонилъ голову дѣвушки къ дереву, раскрылъ ей ротъ и, приложивъ гвоздь къ двумъ верхнимъ переднимъ зубамъ, ударилъ по немъ камнемъ и вышибъ ей сразу оба зуба.

Дѣвушка не вскрикнула, не показала даже малѣйшаго вида боли: она преспокойно выплюнула вышибенные зубы, — и этимъ окончилась церемонія бракосочетанія.

У Ново-Голландцевъ все дѣлается не такъ, какъ у другихъ людей.

Только что бракъ совершился, жена поступаетъ въ полную и безграничную власть мужа; она дѣлается какъ словно его собственностію, его вещью и должна испол-

нять всѣ его прихоти и желанія, какъ самая низкая раба.

Вообще, обращеніе Ново-Голландцевъ съ женщинами безчеловѣчно и превосходить всякое описаніе.

Всѣ тяжелыя работы исполняются женщинами: случается ли Ново-Голландцу убить звѣря, жена должна нести добычу; во время длинныхъ переходовъ, оружіе, съѣстные припасы, — все точно также тащить на плечахъ своихъ несчастная женщина. Но это не все. Остаются дѣти — отцы о нихъ нимало не думаютъ: вся забота опять ложится на жену.

Бѣдныя Ново-Голландки тѣмъ болѣе достойны сожалѣнія, что нравомъ несравненно добрѣе мужчинъ. Имъ вообще болѣе знакомы человѣческія чувства. Привязанность и любовь къ дѣтямъ высказывается у нихъ очень сильно.

Едва раздастся крикъ врага, нападающаго врасплохъ на становище, каждая мать, прежде, чѣмъ возьмется за оружіе для соб-

ственной защиты, схватываетъ своего ребенка, перекидываетъ его за спину, обвязавъ сперва шкурой, и, будьте увѣрены, она станетъ скорѣе лицомъ къ врагу и всѣ удары приметъ грудью, чѣмъ подвергнетъ опасности свое дѣтище. Горе врагамъ, если какимъ нибудь образомъ, въ свалкѣ, будетъ убитъ ея ребенокъ! Мщенію ея нѣтъ тогда мѣры. Львица у которой отняли дѣтенышей, съ меньшею яростію бросается на своего противника.

Бѣшенство Ново-Голландки страшно; но, тѣмъ не менѣе, не выражаетъ ли оно дѣйствительныхъ, глубокихъ чувствъ матери? Очень часто, послѣ битвы, видѣли тѣло женщины, покрывающее живаго ребенка: мать, какъ словно, даже послѣ смерти своей, думала о защитѣ его противъ врага или звѣря.

Разъ, знакомые и пріатели мои, долго жившіе въ Ново-Голландіи, начали убѣдительно звать меня проѣхать съ ними подальше, во внутренность острова.

Ну, какъ не полюбопытствовать! Уложились, взяли оружіе, сѣли и поѣхали.

Когда мы остановились, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, я осмотрѣлся вокругъ. Такого вида мнѣ во снѣ не грезилось: куда я ни обращалъ глаза, всюду разстилались дремучіе лѣса; вездѣ подымались вѣковые деревья, покрытыя густою зеленью. Южное горячее солнце ярко освѣщало вершины: тишина кругомъ была мертвая.

Вдругъ прогремѣлъ выстрѣлъ. Одинъ изъ моихъ товарищей нарочно спустилъ курокъ. Ему хотѣлось удивить меня новымъ зрѣлищемъ: мертвые лѣса вдругъ ожили; — повсюду раздались крики птицъ и звѣрей, желтые, сѣрые и зеленые попугаи начали тучами перелетать съ мѣста на мѣсто, змѣи высунули изъ-подъ корней свои головы; вездѣ началось движеніе и послышался шелестъ и шумъ.

Такимъ образомъ обращался я отъ одного удивленія къ другому.

Новый случай привлечь на себя мое вниманіе.

При звукѣ выстрѣла, изъ лѣсу выбѣжалъ человѣкъ. Онъ былъ такой же бѣлокожій, какъ и мы. Онъ былъ, какъ узнали мы потомъ, ссыльный изъ Америки. Онъ бѣжалъ въ эти лѣса, желая освободиться отъ наказанія, которое его ожидало. Онъ догналъ насъ и просилъ давать ему милостыню: мы бросили ему нѣсколько мелкихъ монетъ. Въ то время, какъ онъ благодарилъ и нагибался, чтобы поднять деньги, подлѣ него послышался шелестъ, зашевелилась трава у подошвы дерева, и длинная черная змѣя выскочила оттуда. Она налету, съ быстротою стрѣлы ужала бѣдняка ниже колѣна и также скоро исчезла опять въ травѣ.

— Сжальтесь надо мною! сжальтесь! кричалъ несчастный, быстро отвязывая свой поясъ: — именемъ Бога, дайте мнѣ скорѣе вашу бритву, или ножъ, или саблю!...

Мой товарищъ бросилъ ему бритву, ссыльный схватилъ ее и съ удивительнымъ мужествомъ вырѣзалъ себѣ кусокъ мяса въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ ужаленъ.

Послѣ того онъ бросилъ бритву на траву и поплелся опять въ лѣсъ, испуская жалобные стоны.

— Онъ умретъ во ста шагахъ отсюда, сказалъ мой товарищъ:— жало этой черной змѣи такъ ядовито, что надо удивляться, какъ могъ онъ остаться живымъ. Только одни дикіе этого острова умѣютъ ловко управляться съ ядовитыми гадами.

Мы пожалѣли бѣдняка и пошли дальше.

Отойдя довольно далеко, мы остановились для обѣда. Въ ожиданіи его, я рѣшился забраться поглубже въ лѣсъ. Для этого снарядился я такимъ образомъ: на ноги натянулъ родъ штановъ изъ матеріи, похожей на парусину, но такой толстой, что она предохраняла отъ укушенія змѣи; потомъ взялъ огниво, пистолетъ и желѣзный шомполъ отъ ружья; онъ берется все-

*

гда въ этихъ мѣстахъ для того, чтобы съ одного удара и налету раздроблять змѣй.

Едва отошелъ я сотню шаговъ, какъ увидѣлъ дикаря Ново-Голландца. Онъ подходилъ ко мнѣ съ боязливымъ видомъ. Онъ былъ совершенно нагъ; все оружіе его состояло изъ полдюжины копій и палицы.

Обнаживъ саблю, я сдѣлалъ ему знакъ не подходить ближе. Онъ давалъ мнѣ понять своими движеніями, что чувствуетъ крайнюю нужду въ пищѣ. Онъ, точно, казался очень ослабѣвшимъ.

Я знаками не велѣлъ ему трогаться съ мѣста и посиѣшилъ возвратиться къ моимъ товарищамъ. Они обѣдали; завернувъ въ салфетку остатки жаренаго и кусокъ хлѣба, я пошелъ опять къ дикарю.

При видѣ хлѣба и говядины, глаза его заблистали. Я подумалъ въ первую минуту что онъ хочетъ броситься на меня и изъ предосторожности, взялъ въ руки пистолеть.

Всмотрѣвшись хорошенько, я увидѣлъ, однакожь, что глаза дикаря были направлены совсѣмъ къ другому предмету; онъ дѣлалъ мнѣ знаки не подходить близко и поминутно указывалъ копьемъ на ближайшій пенъ.

— Гисо! Гисо! тихо повторялъ онъ.

Я зналъ, что слово *гисо* означаетъ на языкѣ Ново-Голландцевъ черную змѣю. Обративъ глаза по направленію копья, я, дѣйствительно, увидѣлъ на дуплѣ дерева, сваленнаго грозой, большую черную змѣю; часть ея туловища лоснилась между сучьями.

Обнаживъ саблю, я кромѣ того, на всякій случай, взвелъ курокъ пистолета; но дикарь далъ понять, что всѣ эти предосторожности напрасны. Онъ просилъ меня предоставить ему справиться съ врагомъ.

Я, конечно, обрадовался такому предложенію: даже вооруженному не совсѣмъ безопасно идти противъ черной змѣи.

Но, успокоенный сномъ гадины, которая, переплетаясь между сучьями, нѣжилась на солнцѣ, и подстрекаемый любопытствомъ, я рѣшился, однакожь, остаться: мнѣ хотѣлось взглянуть, чѣмъ все это кончится.

Дикарь, между тѣмъ, просилъ у меня какой-то вещи и въ нетерпѣніи своемъ, а можетъ быть потому также, что я не понималъ его, сильно махалъ руками и топалъ ногами. Не понимая его знаковъ, я показывалъ ему кинжалъ, ножикъ, шомполъ, пистолеть; но все это было не то, чего хотѣлъ онъ. Наконецъ пальцемъ дотронулся онъ до моего галстуха: я тотчасъ же снялъ его и подалъ ему. Схвативъ платокъ, дикарь далъ понять, чтобы я отошелъ дальше.

Переводя духъ отъ страха, съ трепещущимъ сердцемъ и поднятымъ на всякій случай шомполомъ, я исполнилъ его просьбу.

Я смотрѣлъ во всѣ глаза на приготовленія дикаря.

Обвернувъ платкомъ руку, онъ началъ сперва пробовать гибкость своего тѣла; потомъ, согнувъ спину, онъ началъ съ величайшею осторожностію приближаться къ змѣѣ. Была минута, я думалъ, онъ погибнетъ. Смѣлость и хладнокровіе его бросали меня въ лихорадку.

Подойдя къ стволу дерева, дикарь легъ на траву, потянулся и, продолжая подвигаться ползкомъ, приблизился къ змѣѣ. Вдругъ, рукой, обернутой платкомъ, схватилъ онъ ее за хвостъ, крѣпко сжалъ руку и быстро вскочилъ на ноги. Змѣя спала, но въ ту же секунду, разумѣется, проснулась. Въ первыя мгновенія ее задержали сучья, вокругъ которыхъ она обвивалась. Этимъ мгновениемъ воспользовался дикарь: онъ собрался съ новыми силами, и въ тотъ самый мигъ, когда змѣя, освобождаясь отъ сучьевъ, готовилась на него броситься, онъ отскочилъ назадъ продолжая, однакожь, держать ее за хвостъ. Не успѣла она повторить своего нападенія, дикарь началъ

уже кружиться, какъ волчокъ, увлекаая за собою змѣю.

Дикарь кружился такъ быстро, что змѣя не имѣла даже силы согнуться и укусить его руку; она все больше и больше вытягивалась по воздуху.

Дикарь все продолжалъ кружиться; наконецъ, повертѣвшись такимъ образомъ нѣсколько минутъ и замѣтивъ, что гадина начинаетъ обезсиливать, онъ быстро подбѣжалъ къ дереву и со всего размаха ударилъ голову змѣи объ стволъ. Ударъ былъ такъ метокъ и силенъ, что змѣя растянулась тутъ же на мѣстѣ.

— Она убита! сказалъ я, поясняя движениемъ слова свои.

Дикарь далъ знакъ, что она еще жива и не замедлитъ очнуться, если не поспѣшишь отрубить ей голову.

Я далъ ему ножъ: онъ подошелъ къ гадинѣ, которая еще шевелилась, поставилъ ей на голову свою пятку и съ одного удара отдѣлилъ ее отъ туловища.

Я былъ пораженъ такой страшной смѣлостію: я зналъ, что малѣйшее укушеніе этой змѣи смертельно.

Между тѣмъ, дикарь, гордясь своею побѣдой, гордясь, быть можетъ, еще болѣе моимъ восхищеніемъ, началъ кривляться, плясать и пѣть. Онъ скакалъ вокругъ своей жертвы, давилъ ее ногами и издѣвался надъ ней, дѣлая видъ, какъ будто она его укусила.

Прислонясь къ дереву, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на движенія этого чело-вѣка, столь жалкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь ловкаго и безстрашнаго.

Но продѣлки дикаря этимъ еще не кончились: продолжая свои веселыя кривлянья, онъ снова подбѣжалъ къ змѣѣ, обернулъ ее вокругъ своей шеи въ видѣ галстука, засмѣялся, схватилъ салфетку съ мясомъ и хлѣбомъ и вдругъ пустился бѣжать.

Немного погодя онъ скрылся въ глубинѣ лѣсовъ, оставивъ мнѣ на память голо-

ву гадины, съ которой ему нечего было дѣлать.

Такіе дикари, какъ я уже говорилъ вамъ, нерѣдко являются въ города.

Съ каждымъ годомъ, однакожь, дикія племена Новой Голландіи встрѣчаются рѣже. Они мало по малу исчезаютъ. Есть надежда, что они современемъ вовсе пропадутъ и островъ Новой Голландіи отъ нихъ избавится.

Какую пользу приносятъ они и себѣ и людямъ? Не лучше ли, чтобы такихъ людей на свѣтѣ не было? Вмѣстѣ съ ними пропадутъ ихъ нравы и обычаи, которые позорятъ только остальное человѣчество.

ГОЛЛАНДЦЫ.

Если надо гдѣ нибудь удивляться тому, что могутъ сдѣлать трудъ и добрая воля человѣка, такъ это, конечно, въ Голландіи.

Когда не было еще государствъ, когда народы, населяющіе теперь Европу, переходили съ мѣста на мѣсто, они, за неимѣніемъ чего другаго, вездѣ находили готовую почву: стоило обработать ее и засѣять, чтобы кормиться. Съ Голландцами было не такъ: въ той части Европы, куда пришли они, земли не было.

Голландія (она находится нѣсколько лѣвѣе и южнѣе Даніи, на самомъ берегу Нѣмецкаго моря), — Голландія была ничто иное, какъ одно огромное топкое болото наполовину, залитое моремъ. Какъ только вѣтеръ подымался съ моря, вода заливала и остальную часть.

Казалось бы, какъ тутъ жить? Но Голландцы, надѣленные терпѣніемъ, твердою волею и любовью къ труду, не упали духомъ. Они прежде всего рѣшились защитить себя отъ морскаго прилива: съ этою цѣлью, по всему берегу набили они сваи, привалили фашичника связаннаго изъ хвороста, и покрыли все высокимъ валомъ.

Не шутка, кажется, перекинуть плотину черезъ рѣку: каковъ же былъ трудъ огранить плотиной цѣлую страну отъ бушующаго моря!

Но трудъ этотъ еще маловаженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣ было сдѣлано. Голландія все-таки оставалась покрыта водою; посреди топкихъ болотъ разстилалось на неоглядное пространство множество озеръ; кромѣ того, черезъ нее протекали рѣки, которыя съ каждой весной разливались и затопляли ее окончательно.

Голландцы начали съ того, что прорыли черезъ болота каналы, куда бы могла сливаться вода во время весеннихъ наводненій и паводковъ; чтобы вода не стояла на мѣстѣ и уходила въ море, они устроили черезъ каналы большіе каменные шлюзы. Подымуть шлюзъ съ той стороны, откуда прилила вода, и наполнять канаву; потомъ шлюзъ запрутъ и отворять съ другаго конца канавы, чтобы выпустить воду въ море.

Болота замѣтно стали просыхать; но земли все еще было малу по числу народа. Она врядъ ли могла прокормить половину людей, жившихъ въ Голландіи.

Тогда одинъ Голландецъ предложилъ осушить всѣ озера. Для этого онъ придумалъ выстроить вѣтряную мельницу, которая, вмѣсто того, чтобы ворочать жерновъ, выкачивала бы воду посредствомъ насоса. Для того, чтобы вода, выкачиваемая насосомъ, могла куда нибудь дѣться, онъ предложилъ прорыть еще канавы отъ каждой мельницы до моря. Всѣ ухватились за полезную мысль: мельницы съ насосами покрыли берега озеръ и закипѣла работа.

Съ каждымъ годомъ осушалось то одно озеро, то другое. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ труда неусыпнаго, Голландія совершенно перемѣнила свой видъ: тамъ гдѣ прежде плавали суда, теперь желтѣли богатые нивы и трава росла по поясъ; все обстроилось городами и селеніями.

Но и въ теперешнее время, когда Голландія богата и превосходно устроена, она не могла бы существовать, еслибъ вмѣсто Голландцевъ жили тамъ люди другаго нрава. Чтобы защититься отъ моря, которое, при каждой бурѣ грозитъ затопить ихъ отечество, они весь вѣкъ должны работать и поддерживать свои плотины. Стоитъ прозѣвать одну трещинку, одинъ обвалъ въ этой огромной плотинѣ, чтобы море размыло эту часть, ворвалось въ страну и потопило бы ее совершенно; другой народъ, болѣе безпечный, неряшливый и лѣнивый, давно погибъ бы въ волнахъ, или, соскучась такимъ трудомъ, бросилъ бы все и ушелъ искать счастія въ другихъ земляхъ.

Голландцы, благодаря своему терпѣнію, своей настойчивости и трудолюбію, остались; они живутъ себѣ, и какъ еще живутъ!

Все въ Голландіи — и страна, и нравы, и обычаи — достойны удивленія.

Въ Голландіи мѣстность плоская. Красота ея заключается не въ видахъ; виды въ Россіи гораздо лучше. Голландія щеголяетъ привольемъ, чистотою и удобствами, которыя поражаютъ на каждомъ шагу. Куда ни глянешь, во всѣ стороны разстилаются сочные луга перерѣзанные по всѣмъ направлениямъ каналами: точно яркій зеленый бархатъ, обшитый крестъ на крестъ серебрянымъ позументомъ; несмѣтныя тысячи лучшихъ породистыхъ коровъ, стоя по брюхо въ травѣ, пасутся на этихъ лугахъ; вездѣ красуются уютные кирпичные домики; то здѣсь, то тамъ бѣлѣютъ каменные вѣтряныя мельницы, которыя весело машутъ крыльями; мѣстами, большія пространства заняты богатѣйшими городами и селеніями. Въ каждой деревушкѣ, выше всѣхъ домовъ, возносится къ небесамъ церковная колокольня. Вечеромъ, когда садится солнце и надъ всей землей носится звонъ колоколовъ, призывающихъ жителей въ храмъ Божій, не оторвалъ бы,

кажется, глазъ и вѣкъ смотрѣлъ бы и слушалъ!...

Голландцы — народъ торговый, дѣятельный, и потому, круглый годъ, когда ни прїѣзжай къ нимъ, находишь во всей странѣ большое движеніе. Каналы запружены судами и лодками, которыя идутъ во всѣ страны. Въ Голландіи перевозки съ мѣста на мѣсто, вся торговля и доставка дѣлаются не на колесахъ, какъ у насъ, внутри Россіи, а на лодкахъ, которыя тянутъ бичевою. Для удобства, по окраинѣ каждаго канала устроена дорога, убитая щебенкой и обложенная кирпичемъ, чтобъ не осыпалась. Такъ бываетъ въ тихую погоду или когда противный вѣтеръ; но едва задуетъ попутный вѣтерокъ, Голландецъ бросаетъ бичеву, садится въ лодку и подымаетъ парусъ. Часто лодкой управляетъ женщина. Овощи, масло, яйца, молоко, — словомъ, все, чѣмъ промышляютъ женщины, перевозится изъ деревни въ городъ водою. Нерѣдко видишь, какъ женщина, правя ру-

лемъ, кормить въ то же время грудью ребенка или занимается рукодѣльемъ.

Любо смотрѣть на ихъ здоровыя, свѣжія лица, на бѣлые воротнички и рукавички ихъ сорочекъ, на ихъ суконныя платья, чистые чулки и бѣлые, какъ снѣгъ, чепцы изъ тонкой холстинки.

Чистота — первая потребность голландскаго народа, первая его роскошь. Самая молоденькая женщина, самой записной деревенскій щеголь скорѣе откажутъ себя въ бусахъ, въ шелковомъ платкѣ, въ шляпѣ и франтовскихъ сапогахъ, лишь бы бѣлье было чистое. Тамъ щеголяютъ бѣльемъ и чистотою, какъ у насъ пестрыми ситцами, позументомъ и другими наружными прикрасами.

Познакомившись нѣсколько съ наружнымъ видомъ Голландіи, взгляните поближе на ихъ житье и на обычаи.

Подойдемъ къ первому сельскому домику. Весело смотрятся въ воду канала его гладкія кирпичныя стѣны и кровля изъ

черепицы, которая покрыта глазурью, какъ у насъ изразцы на печкахъ; вмѣсто загородки, домикъ обнесенъ канавой съ водою; кругомъ насажены сирень, крыжовникъ, акація; вездѣ цвѣты и тоненькія дорожки, усыпанныя пескомъ; шести воткнутые однимъ концомъ въ землю, другимъ прислоненные къ скату крыши, идутъ вокругъ всѣхъ стѣнъ, оставляя только мѣсто для двери и оконъ; по шестамъ вьются хмѣль, бобы и горохъ. На макушкѣ крыши, подлѣ трубы, маленькая деревянная надстройка: въ ней помѣщается гнѣздо, изъ котораго высовывается длинная шея аиста. Такія гнѣзда находятся непременно на крышѣ cadaго голландскаго дома. Хозяинъ вполне счастливъ, когда аистъ полюбитъ домъ его и начнетъ вить гнѣздо на вышкѣ его кровли.

Здѣсь аисты въ такомъ же уваженіи, какъ ласточки и голуби въ другихъ мѣстахъ. Оно и понятно: аистъ истребляетъ лягушекъ, жабъ, крысъ и змѣй, которыя

наводнили бы сырую болотную почву Голландіи; существуетъ кромѣ того повѣрье, что аистъ приноситъ счастье хозяину того дома, у котораго свилъ гнѣздо.

Домъ, обвитый кругомъ зеленью, кажется самъ какимъ-то теплымъ гнѣздышкомъ.

По срединѣ двери, съ наружной стороны, прикрѣпленъ молотокъ: постучимъ молоткомъ въ дверь, по обычаю, и войдемъ въ домъ.

Въ домѣ всего одна комната; стѣны и потолокъ обшиты гладкими досками, сверхъ того покрыты еще маслянымъ лакомъ. Все здѣсь блистаетъ чистотою. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: два раза въ недѣлю, словно по закону какому, стѣны, притолки, потолокъ, подоконники, — все обмывается щелокомъ. Въ Голландіи чаще моютъ и чистятъ стѣны чѣмъ у насъ бѣлье и одежду.

Направо, во всю стѣну высокая печь, устроенная въ родѣ камина; жерло сна-

ружи и не запирается; изнутри виситъ желѣзная цѣпь, къ которой привѣшенъ котелокъ. Торфъ, который употребляютъ Голландцы вмѣсто дровъ и который добывается въ болотахъ, укладывается на желѣзные зубья придѣланные къ поду. Даже тутъ нигдѣ не видно сажи и копоти: все сверкаетъ, словно никогда не бывало въ употребленіи. Полъ вымощенъ изразцами, и, чтобы не скрипѣлъ песокъ подъ ногами, въ разныхъ мѣстахъ разостланы шерстяные половики. Столы, стулья и лавки дубовые; ихъ натираютъ воскомъ каждую недѣлю. Къ сосѣдней стѣнѣ придѣлана длинная полка, уставленная кружками и всякой посудой изъ олова; но все это такъ свѣтитсѣ, что кажется серебрянымъ. Тутъ же лоснятся толстыя фаянсовыя тарелки и миски. Подъ этой полкой другая, поменьше: на ней, рядкомъ, лежатъ румяные, вымазанные яйцомъ и только что испеченные хлѣбы. Противъ печки, въ углубленіи, постель, завѣшенная ситцевымъ пологомъ, съ

пестрыми разводами; подлѣ — чистенькая дѣтская колыбель.

Уже при входѣ въ это жилище вами овладѣваетъ чувство довольства, спокойствія и душевной тишины. Понятно, что Голландцы любятъ семейную жизнь. Чужому человеку и то не хотѣлось бы выйти изъ такого дома.

Сравнивая нравъ и обычаи Голландцевъ съ нравомъ и обычаями другихъ народовъ, можно видѣть, какъ много значитъ жизнь семейная, какъ улучшаетъ она человека, какъ дѣлаетъ его добрѣе и обходительнѣе.

Обращеніе Голландца съ дѣтьми и женою постоянно ласково, дружелюбно; мудренаго нѣтъ: живя вѣкъ подлѣ дома, Голландецъ невольно даетъ больше цѣны женѣ своей; онъ видитъ, какъ она, въ свой чередъ, также хлопочетъ и старается подать ему во всемъ помощь. Оба работаютъ для общаго блага и для дѣтей; которыя обоимъ имъ равно дороги. Черезъ это между

мужемъ и женою являются дружескія отношенія, которыя въ супружеской жизни приносятъ всегда больше пользы, чѣмъ строгость или побои. Когда мужъ такъ думаетъ, зачѣмъ бѣжать ему въ кабакъ или рыскать по сосѣдямъ? Онъ знаетъ, что нигдѣ не найти ему тѣхъ мирныхъ радостей, которыя ждутъ его дома.

Что говорить о женѣ и дѣтяхъ! Стоитъ взглянуть на обращеніе Голландцевъ съ животными, чтобы повѣрить какъ много въ нихъ добраго христіанскаго чувства.

Войдите въ конюшню, въ клѣть, гдѣ коровы: тамъ такъ же все чисто и удобно придумано, какъ въ самомъ домѣ. Полъ гладко выстланъ плитами и усыпанъ пескомъ; каждое животное имѣетъ свое стойло, и корма дается ему въ волю. Въ лугахъ, весною и осенью, ни одна голландская хозяйка не оставитъ коровы не укутавъ ея хорошенько толстою шерстяною попоной. Такая заботливость къ животнымъ встрѣ-

чается, впрочемъ, въ Англіи, въ Бельгіи и во многихъ мѣстахъ Франціи.

Нечего говорить о пользѣ, которая выходитъ чрезъ такое обхожденіе съ животными: тамъ каждая корова даетъ по три ведра молока въ сутки; лошадь, всегда сыта и здоровая, везетъ тамъ шестьдесятъ пудовъ такъ же легко, какъ въ другихъ мѣстахъ двадцать-пять.

Восходя отъ животныхъ къ людямъ, мы видимъ въ нравахъ Голландіи еще большую заботливость, вниманіе и доброту сердечную. Случается ли захворать кому въ деревнѣ или городѣ, съ этой минуты ни одинъ сосѣдъ не постучитъ въ дверь, не войдетъ въ домъ безъ спроса. Для тѣхъ, кто желаетъ узнать о здоровьи больного, каждое утро привѣшивается къ наружной двери записочка: въ ней извѣщается, хуже ли, или лучше идетъ здоровье больного. Точно то же происходитъ и во время родовъ: никто не осмѣлится застучать подлѣ дома родильницы или всйти

къ ней, изъ боязни испугать ее или встре-
вожить.

Объѣзжайте всю Голландію, вы рѣдко
гдѣ услышите бранную рѣчь. Не видать
въ деревняхъ ни буйныхъ попоекъ, ни
дракъ. Самые дома, гдѣ продается пиво,
совсѣмъ не похожи на кабаки: чистыя
кирпичныя стѣны, блистающая израз-
цовая крыша съ аистомъ на макушкѣ;
кругомъ зелень. Внутри все чинно и бла-
гопристойно. Достаточно взглянуть на вы-
вѣску такихъ домовъ, чтобы понять, какъ
мало похожи они на наши кабаки. На каж-
дой вывѣскѣ изображены здѣсь слѣдую-
щія слова:

«Входите съ миромъ!»

Добрый, честный нравъ Голландца вы-
ражается тѣмъ еще, что нѣтъ въ цѣломъ
свѣтѣ страны, гдѣ бы столько было вся-
кихъ богадѣленъ для обезсилѣвшихъ оди-
нокихъ стариковъ и старухъ, пріютовъ
для увѣчныхъ, даровыхъ больницъ. Все
это выстроено и содержится на счетъ об-

щества. Каждый годъ, всякій Голландецъ, даже бѣдный, даетъ добровольное приношеніе въ пользу тѣхъ, кто еще бѣднѣе его и несчастнѣе.

Въ Голландіи бѣдныхъ, или, собственно, нищихъ, очень мало. Причина тому—врожденное расположеніе къ трудолюбію и большая умѣренность въ жизни. Тамъ бѣденъ тотъ только, кто не хочетъ работать; трудящійся человѣкъ имѣетъ все, чѣго можно желать, при благоразуміи.

Богатствомъ своимъ Голландцы сами себѣ обязаны. Источникъ этого богатства довольно любопытенъ, и стоитъ рассказать о немъ.

Живучи всегда подлѣ моря, Голландцы издавна еще были отличными моряками. Они почти первые начали строить большіе корабли и первые стали ходить въ далекія, чужіе земли. Въ то время одни Испанцы заходили такъ далеко. Добывая на дикихъ островахъ мѣсь, золото, сахарный тростникъ, кофе, шелкъ, фарфоръ, Голландцы

привозили все это домой и потомъ продавали Французамъ, Англичанамъ и другимъ сосѣднимъ народамъ. Голландія была тогда какъ словно складочнымъ амбаромъ всей Европы. Кромѣ того, она первая начала также заниматься правильной рыбной ловлей. Каждый годъ, множество судовъ отправляли они въ сѣверныя моря: тамъ ловили китовъ для жира, треску и сельдей. Послѣднія особенно обогатили ихъ; даже и теперь голландскія селетки считаются лучшими.

Но богатство опять-таки не пошло бы впрокъ, кабы не нравъ Голландца. Штука нажить деньги, штука умѣть сохранить ихъ. Голландцы, какъ я уже говорилъ вамъ, прежде всего народъ трезвый, склонный къ простымъ потребностямъ семейной жизни. Онъ не любитъ жить кое-какъ, зря и на распашку; онъ охотно тратитъ деньги, но тратитъ ихъ благоразумно, съ расчетомъ и хочетъ прежде всего, чтобы онѣ шли на дѣло и на пользу.

Голландецъ никогда не думаетъ нажить-ся сразу, вдругъ. Нажившись, онъ никогда не оставляетъ дѣлъ своихъ, не бросаетъ работы.

Вся тайна ихъ благосостоянія заключается въ постоянномъ трудолюбіи, воздержности и простой жизни.

Зная, чѣмъ прежде была Голландія и что сдѣлали изъ нея люди, ее населившіе, вы, конечно, воздадите имъ ту же дань удивленія и уваженія, которую отдаютъ имъ другіе народы Европы.

ВЕЧЕРЪ ШОТЛАНДСКАГО ПАХАРЯ.

На дворѣ ноябрь. Рѣзкимъ холодомъ вѣетъ вѣтеръ и стонетъ по полю. Наступаетъ зима, дни становятся короче, и раньше кончаются послѣднія полевые работы.

Солнце закатилось. Пора выпрягать изъ сохи запыленныхъ воловъ. Вонъ ужъ и черныя стаи воронъ летятъ на отдыхъ.

Пахарь идетъ съ поля. Конченъ нынѣшнимъ днемъ его недѣльный трудъ. Завтра день отдыха, день свѣтлаго досуга — воскресенье. Съ граблями и заступомъ на плечѣ идетъ старый пахарь поляной. Усталъ онъ, крѣпко усталъ; но за то вдвое пріятнѣе будетъ ему завтрашній день.

Вотъ видна и его пріютная хата съ остроконечней кровлей, надъ которою подымается кудрявый дымокъ.

Маленькіе ребяташки издали увидѣли отца.

— Идетъ! идетъ! кричатъ они, кубаремъ скатываются съ низенькаго крыльца и бѣгутъ къ нему навстрѣчу.

Крикъ ихъ веселыхъ звонкихъ дѣтскихъ голосовъ далеко разносится по полю.

— Папа! папа! шепчутъ они, хватаясь съ обѣихъ сторонъ за полы отца.

— Ну, чему обрадовались? чему? спрашиваетъ отецъ; а по лицу у него видно, что и самъ онъ радъ не меньше ребята-

шекъ. — Иди сюда, Бенъ, садись ко мнѣ на плечо, говоритъ онъ младшему, и малютка съ радостнымъ визгомъ карабкается къ нему на руки.

— Возьми и меня, папа! проситъ другой.

— Ты постарше, отвѣчаетъ отецъ: — на-ка вотъ лучше поработай! тащи грабли да заступъ!

И крошечный Джонъ ухватывается одною рукою за рукоятку грабель, а другою за конецъ заступа и, какъ лошадка въ оглобляхъ бѣжитъ, переваливаясь, передъ отцомъ къ дому.

Вотъ пахарь и на крыльцѣ, и въ горницѣ. Привѣтливый огонекъ разложенъ въ каминѣ. Весело и тепло вспыхиваетъ смолистый каменный уголь и весело озаряетъ опрятное, скромное и уютное убранство комнаты: и поставецъ съ чисто вымытой блестящей посудой, и полочку на стѣнѣ съ двумя-тремя книгами, изъ которыхъ одна, толстая и тяжелая, изукрашена золотомъ по корешку, и круглый столъ,

и кресла съ высокими спинками, обитыя темною кожей. На этой кожѣ сидѣли и дѣдъ, и прадѣдъ хозяина хаты; но она какъ будто и двухъ лѣтъ ещене служить. Съ опрятствомъ и бережливостью все два вѣка живетъ.

Улыбкой встрѣчаетъ хозяина добрая, привѣтливая и хлопотливая жена въ большемъ бѣломъ полотняномъ чепцѣ, въ чистой бѣлой косынкѣ на шеѣ, въ чистомъ бѣломъ передникѣ.

— Усталъ, Давидъ? заботливо спрашиваетъ она мужа. — Сядь-ка вотъ сюда, къ огоньку, да отдохни.

И она пододвигаетъ высокое кресло къ камину.

Мужъ съ отрадой опускается на него, и меньше чувствуется ему усталость, когда онъ оглядываетъ свою хату: видитъ всюду порядокъ, видитъ опрятныхъ ребятишекъ своихъ, которые жмутся къ его колѣнямъ, видитъ хозяйку свою, успѣвшую опять сѣсть около него за работу.

Быстро мелькаетъ у нея въ рукахъ игла, живо работаютъ ножницы, и изъ-подъ этихъ искусныхъ рукъ старое платье выходитъ словно новое. Какъ не отдохнуть, глядя на все это? Какъ не забыть утомленія, тяжелаго труда и горячаго пота послѣ дневной работы? Не ими ли куплены это домашнее спокойствіе, это довольство и счастье семьи?

— А что, старшіе еще не бывали? спрашиваетъ Давидъ.

— Скоро должны быть, отвѣчаетъ жена и взглядываетъ на большіе стѣнные часы въ углу, рѣзко постукивающіе тяжелымъ маятникомъ.

— Пора бы, говорить мужъ.

— Да вотъ, кажется, и они.

— Что жъ вы встрѣчать неидете? спрашиваетъ онъ ребятишекъ.

И они съ веселымъ крикомъ кидаются къ двери.

Дверь отворилась, и входятъ двое старшихъ сыновей. Оба они уже давно добы-

вають сами хлѣбъ, оба работаютъ на со-
сѣднихъ заводахъ. Одинъ помоложе, та-
кой сильный дѣтина; другой, постарше и
послабже на видъ, ведетъ счета у своего
хозяина, надзираетъ за порядкомъ хозяй-
ства, ѣздитъ по дѣламъ въ городъ, за-
ключаетъ торговыя сдѣлки, беретъ под-
ряды.

— Ну, что, молодцы? спрашиваетъ
отецъ, поздоровавшись съ ними. — Что,
Вилли, какъ у васъ идутъ дѣла? что но-
венькаго, хорошенькаго у васъ, Самъ?

И Самъ, и Вилли принимаются за раз-
сказъ. Недалеко живутъ они отъ отцовой
хаты — нѣтъ и трехъ миль — но цѣлую не-
дѣлю не видались. Ни часа работы у нихъ
не пропало; за то какъ отрадно побывать
дсма послѣ рабочей недѣли! Есть что и
поразсказать, есть о чемъ и пораспросить.

— Да что жъ это сестры Дженни не ви-
дать? спрашиваютъ они, обмѣнявшись но-
востями.

— Запоздала она что-то сегодня! гово-

рить заботливая мать, и глаза ея невольно обращаются къ отцу. — Темно ужъ становится. Пора бы ей быть. Ужъ не случилось ли чего?

— Чему случиться? замѣчаетъ Вилли: — путь недалъный; обидѣть некому.

Скоро и Дженни приходитъ.

Это высокая красавица, съ пышными русыми косами подъ соломенной широкополой шляпой, съ свѣжимъ румянымъ личикомъ и ясными голубыми глазами. А давно ли была ребенкомъ? Мать смотритъ и не можетъ налюбоваться. На Дженни новенькое, съ иголки платье, ею самую сшитое, на трудовыя деньги. Въ карманѣ этого платья есть у нея и нѣсколько монетокъ, отложенныхъ отъ честнаго заработка на случай, не понадобятся ли деньги ея роднымъ.

— Здравствуй, Дженни! здравствуй, милая! слышится со всѣхъ сторонъ, и всѣ идутъ съ ясной улыбкой встрѣчать ее.

Старшіе братья берутъ ее за руки, ма-

лютки цѣпляются за подолъ, мать и отецъ обнимаютъ.

— Ну, рассказывай, Дженни! рассказывай!

— Да что же рассказывать? Все хорошо идетъ, все по старому. Вотъ платье только обновила нынче.

— Поди-ка сюда: дай посмотрѣть.

И мать осматриваетъ ее, прищуриваясь со всѣхъ сторонъ, и идетъ женскій разговоръ о рукавахъ да о складкахъ да о сборкахъ.

А отецъ глядитъ и на ту, и на другую, и вспоминаетъ старые годы, и сравниваетъ жену съ дочерью, и думаетъ: «хороша была моя жонка въ молодости, а Дженни и еще краше расцвѣла».

Вдругъ кто-то тихо стучится въ двери.

— Кому бы это быть? спрашиваетъ отецъ.

— Наши всѣ въ сборѣ, отвѣчаетъ мать.

Братья тоже не знаютъ, кто бы это былъ.

Лицо у Дженни вспыхнуло, глаза сверкнули ярче. Отъ матери это не укрылось. Она искоса взглядываетъ на дочь и опять спрашиваетъ:

— Кому бы это быть?

— Это, должно быть, сынъ нашего сосѣда, застѣнчиво отвѣчаетъ Дженни: — какъ я шла домой, онъ встрѣтился мнѣ у роши и проводилъ меня сюда.

Мать спрашиваетъ, какого сосѣда сынъ, какъ его зовутъ, и радостная дума проходить у нея по сердцу.

«Что жъ?» думаетъ она: «это малый славный, добрый, работающій, изъ хорошей, честной семьи. Только бы посватался — нечего бы и думать много. Дженни будетъ жить съ нимъ припѣваячи, какъ я жила и живу со своимъ Давидомъ.»

Все это дѣло одной минуты. Старикъ крикнулъ:

— Милости просимъ!

И дверь отверилась, и въ комнату вошелъ сосѣдній парень, красивый и стат-

ный молодецъ, и почтительно со всѣми раскланялся. А какъ взглянулъ онъ на Дженни, и у самого лицо зардѣлось.

— Добро пожаловать! говоритъ гостю мать и быстро оглядываетъ его.

«Покраснѣлъ и онъ», думаетъ она про себя: «сладится это дѣло; видно, недолго ждать намъ свадьбы.»

Гость радъ, что его приняли такъ радушно.

Сначала онъ застѣнчиво и неловко отвѣчаетъ на вопросы Давида, но мало по малу оживляется, и идетъ бойкая живая бесѣда о томъ, что такъ близко сердцу поселянина: о полевыхъ работахъ, о надеждахъ будущаго года, о хозяйственныхъ затѣяхъ и дѣлахъ сосѣдей, о цѣнахъ на городскомъ рынкѣ.

Не замѣтили, какъ цѣлый часъ прошелъ въ разговорѣ, къ которому съ такимъ вниманіемъ прислушивалась хорошенькая Дженни, глядя на гостя и думая: «какъ онъ хорошо разсуждаетъ обо всемъ! какъ

складно пойдеть у него хозяйство! какъ ладно заживемъ мы съ нимъ!»

Часы въ углу захрипѣли и начали громко бить.

— Пора и ужинать собирать, старуха! говоритъ отецъ.

Гость взялся было за шляпу; но его оставляють.

— Что жь нашего хлѣба-соли не откушаешь?

И гость опять кладеть шляпу на мѣсто.

— Иди-ка, Дженни, помоги матери.

На кругломъ столѣ являются бѣлая скатерть, блюдо съ пшенной кашей, чашка съ молочной похлебкой и тарелка съ сыромъ.

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, говоритъ хозяйка: — милости прошу. Это все свое, домашнее.... спасибо нашей буренкѣ.

Буренка вовремя пришла съ пастьбы, вовремя ее подоили, вовремя поставили въ опрятный закутъ, на свѣжо подостлан-

ную солому, и она жуетъ тамъ и дремлетъ, дремлетъ и жуетъ.

— Вотъ сыръ. Попробуйте, потчуетъ хозяйка : — ему больше году. Кажется, удался.

Гость ѣстъ и похваливаетъ.

Но и за ужиномъ не прекращается веселая бесѣда; а какъ собрали со стола и сняли съ него скатерть, старикъ подходитъ къ полкѣ, на которой лежали его книги, и снимаетъ съ нея молитвенную книгу съ позолотой. Бережно обдуваетъ онъ ее, бережно кладетъ на столъ, передъ своимъ кресломъ; всѣ придвигаются къ столу, кто на стулѣ, кто стоя. Старикъ закладываетъ за уши слегка посѣдѣвшіе, длинные волосы, чтобы они не падали ему въ лицо и говоритъ: «Господи, благослови!» раскрываетъ книгу и начинаетъ внятно и вразумительно читать вслухъ.

Книга эта—Священное писаніе, и читаетъ въ ней старикъ о давнихъ временахъ патріарховъ, объ Авраамѣ, и Исаакѣ, и Іаковѣ.

Къ тихому и ровному голосу чтеца примѣшивается порой легкое шипѣнье или пощелкиваніе угля въ каминѣ, и отраженіе огня падаетъ повременамъ на высокій лобъ и на осеребренные сѣдиною волосы Давида, и самъ онъ кажется маститымъ патриархомъ среди своей счастливой, тѣсно сомкнутой дружбой и любовью семьи, и на немъ видимо лежитъ благословеніе Божіе, награждающее миромъ и спокойствіемъ чистую жизнь и честный трудъ.

Незамѣтно проходитъ часъ въ отрадномъ чтеніи.

Опять съ легкимъ хрипѣньемъ бьютъ въ углу стѣнные часы. Пора проститься и воротить сномъ потраченныя днемъ силы.

Гость раскланивается.

— Заходи къ намъ почаще, сосѣдъ! говоритъ мать.

— Мы тебѣ всегда рады, подтверждаетъ отецъ.

Опять слегка краснѣетъ хорошенькая Дженни, и у всѣхъ разомъ, Богъ вѣсть

почему, невольно проходить по душѣ мысль, что скоро Дженни назовутъ невѣстой, а красиваго и статнаго гостя — женихомъ.

Семья прощается. Мать укладываетъ маленькихъ дѣтей, у которыхъ давно уже слипаются бойкіе глазенки.

Скоро все смолкаетъ въ опрятной хатѣ. Только жуетъ въ просонкахъ корова въ тепломъ закутѣ, да тихо зашипить уголекъ въ каминѣ, одѣваясь сѣрою золой, да ходятъ тяжкимъ маятникомъ часы въ углу — разъ-два, разъ-два....

ПЬЯНСТВО И КАБАКИ У АНГЛИЧАНЪ.

Когда въ Англіи не существовало обществъ трезвости, тамъ народъ рѣшительно погибалъ отъ пьянства. Этому способствовали необыкновенная дешевизна разнаго рода водокъ и, главное, разумѣется, тогдашняя необразованность народа. Въ то время, въ одномъ Лондонѣ, столицѣ

королевства, считалось до полутора ста тысячъ пьяницъ, то есть уже такихъ людей, которые жили для того только, чтобы напиться. Они напивались, какъ только въ руки попадались деньги. Внутри королевства, въ уѣздахъ, въ промышленныхъ городахъ и даже деревняхъ, употребленіе крѣпкихъ напитковъ производило точно также свое губительное дѣйствіе на народъ.

Не считая того, что пьянство губило несчастныхъ, которые предавались пороку, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрушало благосостояніе семейной жизни. Отецъ семейства часто пропивалъ въ два дня заработки цѣлой недѣли, лишая этимъ жену и дѣтей насущнаго куска хлѣба. Часто, платье жены, домашняя посуда, одежда дѣтей отдавались въ закладъ съ тѣмъ, чтобы на вырученныя деньги купить водки, и такъ далѣе. Народъ въ Англіи видимо бѣднѣлъ и раззорялся. Правительство скорбѣло о несчастіяхъ народа, придумы-

вало разные средства, чтобы остановить зло.

Сначала запрещено было отворять кабаки во время богослуженія; но это не помогло: какъ только служба кончалась, народъ бросался въ кабаки и вознаграждалъ съ лихвою потерянное для питья время. Тогда придумали доставлять народу разного рода развлеченія: выстроили театры, балаганы, гдѣ разыгрывались всякаго рода представленія, показывали рѣдкихъ звѣрей, занимали зрителей музыкой. Этой мѣрой правительство думало отвлечь народъ отъ кабака.

Но въ ту пору народъ англійскій не былъ еще просвѣщенъ, какъ теперь. Кабакъ привлекалъ его болѣе, чѣмъ удовольствія, которыя стоили дешево и, вмѣстѣ съ тѣмъ, давали его уму честное, полезное развлечение.

Видя свои попытки неуспѣшными, правительство передало заботу объ этомъ частнымъ лицамъ, которыя давно вызыва-

лись сдѣлать для народа ту пользу, которую хотѣло сдѣлать правительство. Частныя эти лица начали съ того, что учредили, такъ называемыя, *общества трезвости*.

Лица, ставшія во главѣ этихъ обществъ, были люди замѣчательные, исполненные добра и любви къ своимъ соотечественникамъ.

Средства, придуманныя ими, для того, чтобы отвлечь народъ отъ пьянства, были самыя дѣйствительныя. Прежде всего они постарались объяснить себѣ причину зла: они дошли до заключенія, что главная причина пьянства заключалась въ невѣжествѣ, необразованіи и невоспитаніи народа. Основываясь на этомъ, достойные эти люди начали печатать во множествѣ книги и газеты для народа; въ то же время, они заботились, чтобы во всѣхъ концахъ Англіи, даже въ самыхъ глухихъ деревушкахъ, учреждались школы для дѣтей обоего пола.

По мѣрѣ того, какъ грамотность распространялась, члены обществъ трезвости

увеличивали число школъ, книгъ и газетъ.

Въ этихъ газетахъ и книгахъ, кромѣ разныхъ предметовъ, нужныхъ для образованія читателя, раскрывалось также безъ утайки все зло, которое происходитъ отъ пьянства. Были, между прочимъ, и такія страницы, гдѣ прямо печатали, что «вотъ такой-то ремесленникъ, живущій тамъ-то, пустилъ жену свою и дѣтей по міру». Рассказывали всю его жизнь, все его безпутство. Газета съ именемъ ремесленника переходила изъ рукъ въ руки; всѣ ее читали, и, такимъ образомъ, ремесленникъ предавался скорѣ всеобщему посмѣянію и позору.

Трудно встрѣтить человѣка, въ которомъ бы совсѣмъ угасли стыдъ и совѣсть. Когда стало извѣстно во всей Англіи, что книги и газеты рассказываютъ о житьѣ-бытьѣ каждаго человѣка, когда увидѣли, что худому человѣку, отпечатанному въ книгахъ, житья не стало, многія лица,

жившія не совсѣмъ похвально, пріостановились и начали укрощать себя.

Книги и газеты, рассказывая о худыхъ дѣлахъ, распускали также слухъ и о хорошихъ. Они распечатывали повсюду, что «вотъ такой-то человѣкъ ведетъ себя примѣрно, сдѣлалъ тогда-то такое доброе дѣло, и такъ далѣе». Такимъ способомъ каждый человѣкъ дѣлался извѣстнымъ въ своемъ окологдѣ, и на сколько презирали одного, на столько уважали другаго. Книги и газеты приносили также и другую пользу: читая ихъ, народъ просиживалъ дома съ семьею. Прежде, отъ нечего дѣлать, отецъ семейства скучалъ дома и шелъ въ кабакъ; чтеніе начинало теперь занимать его; книги знакомили его съ Божьимъ міромъ, съ дѣлами человѣческими, съ полезными открытіями. Онъ самъ видѣлъ, какъ чтеніе постепенно обогащало его умъ, какъ онъ образовывался и, слѣдовательно, дѣлался болѣе прежняго человекомъ — тѣмъ существомъ, котораго

Богъ хотѣлъ создать по образу и по подобію Своему.

Общества трезвости употребляли еще и другіе способы, чтобы достигнуть высокой своей цѣли.

Часто случается, что человѣкъ вовлеченъ во зло противъ воли. Это случилось или по молодости лѣтъ, или по слабости нрава. Будучи въ сущности человѣкомъ хорошимъ, съ душой доброй и кроткой, онъ другой разъ и самъ плачетъ надъ своимъ безпутствомъ. Замѣтивъ такого человѣка, члены общества трезвости спѣшили притти ему на помощь: они выкупали изъ кабака заложенные имъ вещи, платили его долги и часто даже давали впередъ денегъ, чтобы помочь ему начать какое нибудь полезное ремесло.

Такими высокими мѣрами многія тысячи людей, извѣстныя прежде своею невоздержностію, бѣдностію и безпорядочной жизнію, возвратились къ добру, къ семьѣ своей. Многіе изъ нихъ сдѣлались даже

примѣромъ для другихъ: нѣкоторые управляютъ теперь мастерскими, артелями, фабриками, заводами или, снявъ на откупъ землю, занимаются ея обработкою.

Съ каждымъ годомъ, число обществъ трезвости увеличивается въ Англіи. Каждый человѣкъ, который поступаетъ въ общество, долженъ принести клятвенное обѣщаніе, что не будетъ употреблять крѣпкихъ спиртовыхъ напитковъ. Англичане необыкновенно тверды въ своемъ словѣ. Англичанинъ, давшій разъ клятвенное обѣщаніе, не измѣнитъ ему до конца своей жизни.

Первые учредители обществъ трезвости не ошиблись въ своихъ догадкахъ: пьянство въ Англіи происходило, дѣйствительно, отъ невѣжества и невоспитанія народа. По мѣрѣ того, какъ въ Англіи стало распространяться просвѣщеніе, пьянство замѣтно уменьшалось.

Въ такомъ огромномъ государствѣ, какъ Англія, и при такомъ страшномъ населе-

ніи, конечно, находится еще большое число людей, для которыхъ пьянство составляетъ цѣль жизни; но на такихъ людей надо уже смотрѣть не иначе, какъ на про- каженныхъ. Ихъ, по настоящему, нельзя даже назвать людьми. Если надъ человѣкомъ дѣлали всѣ усилія, чтобы спасти его отъ порока, если добрыми словами и дѣломъ старались возвратить его къ добру и чести, и если послѣ всего этого онъ не исправился, можно ли считать его человѣкомъ или не правильнѣе назвать его скотомъ? О такихъ людяхъ тамъ уже и не заботятся: пусть себѣ гибнетъ и пропадаетъ! останется больше мѣста для хорошаго. Такія пьяницы встрѣчаются особенно въ большихъ городахъ, гдѣ множество фабрикъ и гдѣ жизнь разгульнѣе и развращеннѣе, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Англіи.

Въ общей сложности, въ Англіи, благодаря распространенію просвѣщенія, потребность на водку и спиртовые напитки

годъ отъ году уменьшается. Тамъ пьютъ теперь, по преимуществу пиво, которое, какъ извѣстно, и здоровѣе и несравненно дешевле.

Пиво пьютъ тамъ въ особыхъ заведеніяхъ, которыя называются общественными домами. Но питье пива, и тутъ-таки, не составляетъ у Англичанъ главнаго предмета: въ эти общественные дома собираются больше, чтобы потолковать о дѣлахъ и новостяхъ. Тамъ производятся торговыя сдѣлки; тамъ всегда находятся всевозможныя книги и газеты, и народъ, посѣщая эти заведенія, всегда выносить оттуда скорѣе пользу, чѣмъ пріучается къ праздности и разврату.

Въ такихъ общественныхъ домахъ сходится всегда одно общество. Въ одномъ домѣ собираются только плотники, въ другомъ — сапожники, въ третьемъ — штукатуры, и такъ далѣе, по ремесламъ.

Цѣль такихъ домовъ самая похвальная. Каждый членъ общества приносить по-

сильное добровольное приношеніе. Изъ этихъ денегъ составляется капиталъ, который хранится въ банкѣ. Изъ процентовъ капитала поддерживается товарищъ, который, по болѣзни, не можетъ работать, выдается пенсіонъ бѣдной вдовѣ умершаго товарища, платится въ школу за воспитаніе дѣтей, оставшихся сиротами послѣ смерти ремесленника, который принадлежалъ къ обществу.

На вывѣскахъ общественныхъ домовъ написано: *«Честность, дружба, поддержка сиротъ и вдовицъ»*.

Все это не ясно ли доказываетъ, что цѣль такихъ заведеній не заключается въ пьянствѣ или въ чемъ нибудь порочномъ? Напротивъ, цѣль ихъ — польза и добро ближнему.

Теперь въ Англіи считается болѣе двухъ тысячъ членовъ обществъ трезвости. Капиталъ, которымъ они владѣютъ превышаетъ девять миллионовъ фунтовъ, то есть, если перевести на наши деньги, вый-

детъ болѣе *шестидесяти милліоновъ рублей серебромъ*.

Книги и газеты годъ отъ году распространяются обществами по всему Англійскому королевству. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивается также число школъ для дѣтей: чрезъ это, годъ отъ году, увеличивается грамотность и народъ просвѣщается въ отдаленнѣйшихъ городахъ и деревняхъ.

Просвѣщеніе очистило нравы англійскаго народа, и, благодаря этому, народъ уже совсѣмъ не тотъ теперь, чѣмъ былъ прежде.

Не стану описывать вамъ прежнихъ кабаковъ и харчевень, которыми усыпано было Англійское государство: такое описаніе, кромѣ гадкаго и мерзкаго, ничего бы не представило. Кому можетъ нравиться картина нищеты, распутства и униженія человѣческаго? Но время мрака прошло для Англіи, и то, что, въ былое время, при невѣжествѣ народа, возбуждало жалость

*

и отвращеніе, теперь можетъ только радовать глаза и душу.

Вотъ вамъ, для обрашника, изображеніе тѣхъ заведеній, которыя замѣнили прежніе кабаки Англіи:

Въ сторонѣ отъ дороги, посреди значныхъ луговъ и полей, на диво обработанныхъ, возвышается двухэтажный, бѣлый каменный домикъ, выкрашенный масляной краской: плющъ и хмѣль обвиваютъ почти въ-плотную черепичную кровлю съ высокой трубою. Въ нижнемъ этажѣ, посреди дома, открываются широкія ворота для пропуска подводъ; подлѣ воротъ красуется чугунный насосъ, а подъ насосомъ вытягивается каменная чистая колода, гдѣ пьютъ лошади. И что́ это за лошади! сытыя, здоровыя, выхоленные, покрытыя толстыми попонами; сбруя на лошадяхъ вся изъ толстаго ремня и такъ ловко пригнана, что никогда не увидишь у животнаго протертаго мѣста. ПороDISTYЯ куры, индѣйки и пѣтухи снуютъ

вокругъ дома и оживляютъ его своимъ крикомъ и кудахтаньемъ.

Домъ этотъ не болѣе, какъ кабакъ, харчевня, постоялый дворъ, и все, между тѣмъ, имѣетъ здѣсь видъ спокойствія, благочинія, довольства; все отражаетъ здѣсь какъ словно совѣстливость и честность хозяевъ.

Внутренность дома смотритъ еще чище и веселѣе его наружности: въ первой комнатѣ, выбѣленной мѣломъ, на задней стѣнѣ — дубовыя полки, уставленные рядами оловянныхъ кружекъ, которыя блистаютъ чистотою; скамьи, стулья, столы изъ простаго дерева, но все это вымыто, выскоблено; полъ усыпанъ пескомъ; у входа на стѣнѣ шелкаютъ старинные часы; тутъ же висятъ портреты, изображающіе лица знаменитыхъ людей, которые прославили Англію и которыми Англичане такъ справедливо гордятся. Слѣва, чуть ли не во всю стѣну, подымается огромный каминъ, въ которомъ, на веселомъ огонькѣ, жарится на веретѣлѣ баранина; противъ камина — ок-

на; изъ нихъ открывается видъ на сельскую церковь, кладбище и сельскую школу, потому что во всей Англіи нѣтъ деревушки безъ церкви и школы и нѣтъ ребенка, которой бы не обучался грамотѣ.

Эти сельскіе кабаки, точно такъ же, какъ и общественные дома въ городахъ, служатъ въ Англіи не только мѣстомъ, куда приходятъ пить пиво: тамъ по вечерамъ собираются поселяне, которыхъ днемъ разлучала полевая работа; тутъ они говорятъ о дѣлахъ своихъ, о посѣвахъ, толкуютъ объ урожаѣ, о выдѣлкѣ муки или солода. Здѣсь получаютъ также всѣ новыя газеты. Англійскій пахарь, поработавъ день деньской, любитъ узнать о томъ, что дѣлается въ городахъ и Божьемъ мірѣ. Пиво пьютъ здѣсь не для чего другаго, какъ только для приправы дружеской бесѣды.

Продажа пива и содержаніе кабака поддерживаютъ здѣсь маленькую торговлю хозяйки дома, обыкновенно очень честной старушки, уважаемой всѣмъ околоткомъ.

Сыновья во время дня работают въ полѣ а если есть дочери, онѣ живутъ гдѣ нибудь въ услуженіи и также, въ свой чередъ, зарабатываютъ копѣйку.

Въ этихъ кабакахъ поселяне справляютъ также многіе сельскіе праздники. Вечеръ кончается обыкновенно рано: Англичане ведутъ жизнь семейную; имъ любо, потолковавъ о дѣлахъ и опорожнивъ кружку пива, любо имъ вернуться домой, гдѣ ожидаютъ ихъ такія же чистыя комнатки, чистая постель, гдѣ ждутъ веселая хозяйка и свѣжія, здоровыя дѣти, только что пришедшія изъ школы.

Да, великое дѣло просвѣщеніе! Плоды его видны не только въ разумѣ чловѣка, не только въ совершенствѣ того, что онъ дѣлаетъ, но и въ нравахъ, въ обычаѣ, въ самой задушевной, семейной его жизни.

ЖУРНАЛЪ ИЗБА.

Скоро уже два мѣсяца, какъ наступила зима. Съ той поры, дни постепенно уменьшаются; изрѣдка въ морозный день проглянетъ солнышко; больше стоятъ туманы, и небо покрыто наволокомъ, отъ котораго день кажется скорѣе сумерками. Метели занесли дорогу; на поляхъ глубокій снѣгъ; въ лѣсахъ намело такіе сугробы, черезъ которые можетъ развѣ пробраться медвѣдь или волкъ; деревья, лишенные зелени въ которой раздавались когда-то звонкіе голоса птицъ, уныло поднимають свои голыя черныя вѣтви, кой-гдѣ облѣпленныя инеемъ; рѣчки и прудъ не оживляютъ мѣстности; снѣгъ все сровнялъ, все сгладилъ, и словно бѣлымъ саваномъ окуталась земля.

Но скоро набѣгаетъ ночь, и все исчезаетъ въ глубокомъ, непроницаемомъ мракѣ. Когда же кончится эта ночь? Она

тянется, тянется, и, сдается, никогда конца ей не будетъ. Кругомъ все какъ словно вымерло; даже въ жиломъ мѣстѣ, въ деревнѣ, не слышно человѣческаго голоса или звука, который порадовалъ бы сердце. Смутно, какъ черныя пятна, мелькаютъ избышки, то разбросанныя въ безпорядкѣ, то плотно сбившіяся въ кучу. «Да полно, ужъ есть ли здѣсь люди?» спрашиваешь себя, прислушиваясь къ мертвой тишинѣ деревни. Напрягаешь слухъ, вслушиваешься — никакого отзыва: все, спитъ заодно съ полями и рощами, — спитъ, какъ словно непробуднымъ тяжелымъ сномъ.

Но вотъ звонкое горланье пѣтуховъ, раздавшееся разомъ, какъ бы по командѣ, возвѣщаетъ начало разсвѣта. Прошла минута, и въ деревнѣ, попрежнему, все тихо.

Въ темныхъ, душныхъ избахъ нескоро пробуждаются жизнь и дѣятельность; въ избѣ, среди потемковъ, слышатся только охи да вздохи; время отъ времени про-

мычить у печки теленокъ, которому наскучило лежать на соломѣ, или царапнетъ кошка, которая за ночь проголодалась и просить, чтобъ ее скорѣй выпустили.

Мало по малу однако, зѣвота, потягота и оханье раздаются чаще, слышнѣе и наконецъ наполняютъ собою все жилище. Мѣстами попадаетъ и живое слово:

— Оеклуха, вставай!... о-о-пора!...

— О-о, Господи.... Варька, а Варька, печь пора топить.... о... Господи!!..

Въ избѣ такъ темно, что нельзя разглядѣть, какъ хозяйки слѣзаютъ съ печи и полатей. Сверкнулъ огонекъ, вздули лучину, и внутренность избы озарилась красноватымъ свѣтомъ. Бѣлая струйка ѣдкаго дыму вьется надъ лучиной, распускается по потолку и донимаетъ таракановъ, которыми облѣплены всѣ балки, переводины и щели. Застигнутые врасплохъ, они поднимаютъ шелестъ и начинаютъ сыпаться какъ дождикъ. При свѣтѣ лучины, которая мутно горитъ въ душномъ, спертomъ воздухѣ,

внутренній видъ избы никого не можетъ порадовать: грязный земляной полъ, крошечное волоковое окно заткнутое тряпичей или кой-какъ заставленное рамой, изъ которой течетъ и дуетъ, закоптѣлыя стѣны, покрытыя въ углахъ плѣсенью и сыростию, небѣленая глиняная печь захватанная жирными руками и сверху усѣянная прусаками,—вотъ все, что представляется глазу. Дыханіе спирается въ груди отъ духоты, чада и смраднаго воздуха. Что жъ мудренаго, когда въ той же избѣ, вмѣстѣ съ людьми, помѣщаются овцы, свиньи и куры! Что жъ мудренаго, когда сами хозяева такъ нечистоплотны и неряшливы, что нипочемъ имъ грязь и соръ покрывающіе полъ и ворохомъ поднимающіеся въ углахъ и подъ лавками! Нѣтъ, ужъ лучше бы не зажигать вовсе лучины, не видать этихъ стѣнъ, угловъ и лавокъ, которые при свѣтѣ кажутся еще чернѣе и мрачнѣе.

Растопившаяся печь разсѣваетъ мракъ и сонливость хозяекъ. Та принимается за

горшки, другая, усѣвшись поближе къ лучинѣ, торопливо принимается чинить кожухъ мужа, который вечеръ еще обѣщалъ ей побои; третья отправляется въ хлѣвъ, къ овцамъ и коровамъ.

Вскорѣ послѣ пробужденія бабъ, за окномъ раздается стукъ и слышится голосъ старосты:

— Что, черти, спите! кричитъ онъ: — пора, чай, глаза продрать.... Вотъ я васъ понѣжу! Ей, бабы, поворачивайте мужей-то... оглохли?!..

Голосъ старосты произвелъ свое дѣйствіе: во всѣхъ концахъ избы, съ печи, полатей, запечья, раздаются восклицанія:

— Ну, пошелъ, сѣдая ворона! Небось и безъ тебя знаютъ... чего расходился!

— Экъ его разлаялась старая собака! ладно, поспѣешь.... Варвара, брось сюда онучи... они, кажись, на лавкѣ...

— А тебѣ лѣнь съ печи-то слѣзть? ступай самъ возьми.... Экъ его, взаправду, разнѣжился больно!...

Кряхтя и ворча, слѣзають наконецъ и мужа.

Кто снова разваливается на лавкѣ, кто попросту, спустивъ только ноги съ полатей, остается въ такомъ положеніи до вторичнаго призыва старосты.

Краюха ржаного хлѣба, иногда съ примѣсью лебеды, отрубей или даже рубленой соломы, ожидаетъ ихъ на непокрытомъ столѣ. Тутъ для всѣхъ одинъ тупой ножъ; лезвіе, облѣпленное засохшей мякошью и кой-какъ вдѣланное въ черенокъ, вертится и ничего не рѣжетъ. Но все это нипочемъ! Искромсавъ кой-какъ хлѣбъ и сунувъ его въ ларецъ, гдѣ валяются давнишніе, заплеснѣвшіе корки, мужики покидаютъ одинъ за другимъ лачугу.

Сѣдой паръ, ворвавшійся въ растворенныя настежь двери, клубомъ идетъ по избѣ. Къ нему примѣшивается густой дымъ, который валитъ изъ печки и съ трудомъ пробирается въ окно или въ дыру, продѣланную сбоку въ потолокъ. Сверху донимають жаръ и

дымъ, такъ что надо ходить сгорбившись; внизу полъ стынетъ отъ холода; морозный воздухъ или вѣтеръ, проходя сквозь щель худо сколоченной двери и притянутый отвореннымъ окномъ, пробивается въ избу и обдаётъ стужею ноги.

Въ этомъ чаду и дыму, пробуждаются спавшія на печки дѣти. Одинъ голосить какъ-то сипло и просить хлѣба; другой кричить на всю избу и тянется внизъ; третій хворааетъ, и стонъ его хватаетъ за сердце.

Всѣ эти звуки, смѣшиваясь съ кудактаньемъ куръ, успѣвшихъ уже налетѣть въ избу, съ трескомъ печки и мычаньемъ теленка, наполняютъ избу какою-то дикою сумятицей; а тутъ еще затѣялась вдругъ ссора: тетка Олёна задѣла парнишку Оеклы, Оекла хлыснула невзначай дѣвченку Дарьи: пошла брань, полетѣли вѣники и ухваты. Развѣ бабушка втащить опять внучатъ на печь и, чтобы успокоить ихъ, начнетъ скоблить имъ поочередно затылки,

пичкая ихъ въ то же время чѣмъ ни попало: стоитъ ли подъ рукою вчерашній кисель, нащупаетъ ли лукъ, подвернутся ли щи, каша, квасъ,—все идетъ въ дѣло, всему рады голодные внучата, и всѣмъ надѣляется ихъ вдоволь подслѣповатая бабка.

Но блеснулъ день сквозь мутное стекло окошка, и новыя заботы ожидаютъ хозяекъ: надо ставить въ готовую печь горшокъ со щами, требуется затереть квасъ, коровѣ подкинуть соломы, замѣсить мѣсиво; кромѣ того, поминутно призываютъ хозяйку то больная телка, единственная надежда дома, то окотившаяся овца, то стирка, то шитье да заплаты, которыхъ не оберешься, словомъ, утро цѣлое проходить въ непрерывныхъ заботахъ и бѣготѣ.

Куда какъ трудна и тяжка доля русской бабы! Она да лошадь—вотъ два главные работника, на которыхъ лежатъ вся тягость, все благосостояіе семейства. И добро бы еще обременяли ее одна работа

и хлопоты! Съ веселымъ сердцемъ и довольною душею трудъ былъ бы ей нипочемъ; она ни разу даже не подумала бы попрекнуть имъ.

Главное дѣло, сердце ея рѣдко бываетъ спокойно и весело: иную выдали зря и безъ толку, не спросивъ даже у ней, по сердцу ли ей будущій мужъ ея; другая до вѣнца въ глаза жениха не видала. Третьей нравился другой парень. Она знала, что тотъ, за кого хотятъ выдать ее, человѣкъ непрочный, пьющій и нрава дурнаго; но родители состряпали дѣло, приневолили ее выйти, находя такой бракъ для себя выгоднымъ. Четвертая вышла охотою и любить мужа; но въ домѣ всѣмъ заправляетъ свекровь: она не даетъ снохѣ прохода, какъ словно завидуетъ ласкамъ сына и поѣдомъ ѣсть молодую бабенку. Вообще говоря, нѣтъ у ней почти никакой отрады; коли не одно, такъ другое кручинить ей душу. Возвращаясь съ рѣчки или изъ гумна домой, смотритъ она на пообва-

лившуюся, снѣгомъ занесенную избушку свою, и видѣ родимой кровли нimalo ея не радуется. Что ждетъ ее тамъ? Недостатки семьи, или злая свекровь, или больной ребенокъ, или грубый и часто, еще того хуже, пьяный мужъ, который отымаешь у ея дѣтей хлѣбъ насущный. . .

И вотъ, при входѣ бабы въ избу, вся эта кручина превращается какъ словно въ досаду и злобу. Накидывается она, неразумная, безъ разбора, на все, что ни попадаетъ на глаза: подвернись хоть тотъ же парнишка, о которомъ такъ грустила она еще недавно, — и тому неизбѣгнуть горькихъ упрековъ и побоевъ.

Въ полдень вся семья снова сходится въ избу и большею частію уже не разлучается во весь остальной день. Либо вѣтрено и нѣтъ возможности вѣять, либо все уже вывѣяно и вымолочено, обозы порѣшены, хворостины и топлива натаскано вволю: незачѣмъ, стало быть, и выходить на холодъ. Послѣ трапезы, батраки и хозяева,

вздремнувъ часокъ, другой, принимаются снова за какую нибудь работу. Хлѣбъ вѣдь за брюхомъ не ходитъ! Надо чѣмъ нибудь пробавляться, надо изыскивать средства для жизни!

Была бы только охота, была бы добрая воля, русскій мужичекъ можетъ все сработать. Онъ ловокъ, смѣтливъ и на все способенъ. Миткалю ли наткать, настрочить ли къ базару дюжины двѣ лаптей и котомокъ, нарубить ли оглоблей или наготовить лопать, боченковъ и корытъ, — все живо поспѣваетъ подъ его рукою. Вотъ каждый прилаживается въ углу своемъ, и пошли щелкать челноки, и пошло трещать дерево подъ топоромъ или рубанкомъ. Хозяйки также не дремлютъ: та сучить пряжу, другая занимается шитьемъ, третья сидитъ съ прялкою и куделью. Подымается болтовня, хохоть, сыплятся прибаутки; иной разъ все это заглушается звонкой пѣсней, затянутой тоненькимъ голосомъ какого нибудь дюжаго батрака.

Когда длинный вечеръ, проведенный за лучиной, близится къ концу, начинаютъ мало по малу смолкать толки и розсказы. Ребятишки прикорнули кто на печкѣ, кто на лавкѣ подъ образами; веретено перестало гудѣть; лучина угасаетъ. Тогда вся семья, большіе и малые, женатые и холостые, снова заползаютъ на печку, укладываются, кто какъ можетъ, подъ овчинами и отдаются отдыху.

И снова все отдыхаетъ въ избѣ и на улицѣ. Мертвая тишина изрѣдка прерывается лаемъ собаки, которая почуяла волка, или трескомъ мороза, который стучитъ въ углы и ворота, и снова все умолкаетъ... Развѣ кто нибудь изъ стариковъ, внезапно вскинувшись отъ сна и долго прислушавшись къ шуму извнѣ, вымолвить, потягиваясь на своей печкѣ:

— Экъ стучить какъ!... знать Господь Богъ морозцу подбавилъ....

Но не во всякой курней избѣ кончается такъ-то вечеръ, не вездѣ слышатся го-

воръ и раздаются веселыя пѣсни. Бываетъ такъ, что и весь день, вся жизнь не въ радость. Отъ закоснѣлаго невѣжества, не-
ряшливости, лѣни и невождности, по-
среди которыхъ часто живетъ русскій на-
родъ, чего-чего не случается! Тамъ
застудился и шибко разнемогся мужъ,
отецъ многочисленнаго семейства, опора
и надежда всего дома. Разумные люди
совѣтовали не откладывать, не жалѣть
малости денегъ — благо были онѣ; совѣты-
вали съѣздить скорѣй въ городъ и перегово-
рить съ ученымъ лекаремъ. Нѣтъ, не по-
слушалъ: провалявшись недѣли двѣ на
печкѣ и видя, что боль подступаетъ уже къ
сердцу, отправился онъ черезъ силу въ со-
сѣдную деревню къ плутовкѣ-знахаркѣ. Та,
за гривенникъ, полштофа вина и полотенце,
напачкала какой-то дряни и дала ему вы-
пить. Вернулся мужикъ домой, поохалъ дня
два да и отдалъ Богу душу, оставивъ женѣ
и дряхлымъ родителямъ обузу дѣтей. Пой-
дутъ ли тутъ пѣсни на умъ!

Въ другой избѣ и живъ хозяинъ, да что въ томъ проку! Лежить день—деньской на печи и только обжигается. Человѣкъ онъ не старъ и здоровъ, никѣмъ и ничѣмъ не обиженный.... Обидѣла только лѣнь, которая какъ зелье какое, проникла въ его кровь и кости; отнялись какъ словно у него руки, ходить какъ сонный, ничего рѣшительно не дѣлаетъ; не трогаютъ его ни просьбы доброй жены, ни насмѣханье сосѣдей, ни даже слезы голодныхъ дѣтей: одервянѣло сердце человѣка, пропала у него совѣсть! А, между тѣмъ, избенка гніетъ и разваливается, въ гумнѣ ни снопа, на дворѣ нѣту пучка соломѣ, чтобы подкинуть отошавшей послѣдней лоша-денкѣ. Жена душой рада пособлять горю: день—деньской колотится бѣдная баба, руки ея не знаютъ отдыха; но нѣтъ, видѣть она, что одной не осилить, не остано-вить грозящей нищеты и разрушенія....

Пойдутъ ли здѣсь на умъ веселія пѣ-сни и розсказни?

Въ третьемъ мѣстѣ еще хуже: тамъ не лѣнь и не смерть губить домъ, семью, — губить ихъ пьянство. Деньги, трудомъ заработанныя, хлѣбъ, даръ Божій, одежда, — все идетъ въ кабакъ, проклятое мѣсто. Свернувъ на такую дорогу, человѣкъ уже не останавливается: лошадь, домашній скарбъ, овцы, корова, — послѣдняя радость хозяйки и дѣтей, — все отправляется одно за другимъ къ цѣловальнику. Въ домѣ посреди голыхъ стѣнъ, начинается не жизнь, а каторга; дня нѣтъ спокойнаго: ссоры, крики, побои, бранныя слова.... И при всемъ этомъ присутствуютъ бѣдныя дѣти. Имѣя постоянно передъ глазами такіе примѣры, они вырастаютъ, портятся, въ свою очередь, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ продолжаютъ безпутное житіе своихъ родителей.

Если иной разъ въ такой избѣ и услышишь пѣсни, не лучше ли скорѣй отвернуться и уйти дальше....

Но, слава Богу, въ Россіи не всѣ избы курныя и не вездѣ такъ живутъ, какъ мы

описывали. Нерѣдко встрѣчаются семейства, ведущія жизнь правильную, дѣятельную и благочестивую. Просвѣщеніе съ трудомъ прививается къ русскому народу: народъ какъ словно боится просвѣщенія и не довѣряетъ ему; несмотря на то, сѣмяна свѣта и образованія во многихъ мѣстахъ начали уже приносить плоды свои.

Я не говорю здѣсь, конечно, о томъ наружномъ просвѣщеніи, которое въ томъ состоитъ, что бабы вмѣсто набивныхъ платковъ носятъ шелковые, молодые парни ходятъ въ смазныхъ сапогахъ, а ребятишки бѣгаютъ въ фуражкахъ съ купеческими козырьками: все это пустяки и ничего не доказываетъ. Здѣсь идетъ рѣчь о просвѣщеніи настоящемъ, которое улучшаетъ жизнь, умъ и сердце человѣка.

Такъ, напримѣръ, уже во многихъ мѣстахъ, отцы отдають дѣтей своихъ обучаться грамотѣ; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ земля поплосе или мѣстное ремесло невыгодно, отцы не приневоливають дѣ-

тей садиться за станъ или браться за соху, какъ дѣлывали ихъ дѣды и прадѣды: они стараются пристроить дѣтей къ какому нибудь новому ремеслу, дать имъ способъ выйти изъ битой колеи на новый путь.

Старый путь — изъѣзженный, грязный, покрытый котловинами проселокъ; новый путь — шоссейная и желѣзная дорога: послѣднія глаже, короче и скорѣе приведутъ къ цѣли.

Цѣль эта состоитъ въ томъ, чтобы по-смотреть, какъ живутъ другіе люди, перенять у нихъ все хорошее, научиться уморазуму и потомъ, вернувшись домой, стараться примѣнить все это такимъ образомъ къ своей домашней жизни, чтобы она день-отодня улучшалась.

Мы можемъ сказать съ гордостію, у насъ на Руси уже есть такіе люди!

Стоитъ взглянуть на ихъ житье, мирное и благочестивое, на порядокъ и чистоту, вездѣ господствующую, и наконецъ на самую избу съ высокою бѣлою трубою.

тесовою плотною крышею и свѣтлыми окнами, чтобы почувствовать къ хозяевамъ и любовь и уваженіе

Такую кровлю осянило какъ словно Божье благословеніе, и, глядя на нее, не нарадуется сердце.

ДАТЧАНЕ И ДАНІЯ.

Несмотря на то, что Данія страна сѣверная (она примыкаетъ къ верхней части Германіи и съ трехъ частей окружена Балтійскимъ моремъ, которое съ сѣвера отдѣляетъ ее отъ Швеціи), несмотря на то, что земля ея не черноземная и климатъ холодный, живутъ тамъ привольнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ, гдѣ и почва плодородная, и климатъ прекрасный. Чего, кажется, лучше и краше земли итальянской или испанской? Тамъ круглый годъ грѣетъ солнце, какъ у насъ въ маѣ или іюнѣ, и никогда не бываетъ

снѣга; въ то время, какъ у насъ воютъ метели, тамъ цвѣтутъ цвѣты и покрываются цвѣтомъ фруктовыя деревья. Тамъ два раза сымаютъ хлѣбъ и косятъ сѣно. При всемъ томъ, жители этихъ благодатныхъ странъ живутъ далеко не такъ хорошо и богато, какъ Датчане, такъ бѣдно надѣленные природой.

Причину такого приволья надо искать въ обычаѣ, въ жизни и нравѣ народа.

Вотъ что рассказываетъ одинъ путешественникъ, который много ѣздилъ по Даніи:

«Въ Даніи мѣста и виды нисколько не лучше нашихъ. Здѣсь мѣстность большею частію плоская; изрѣдка развѣ встрѣчаются холмики. Но что здѣсь за луга, что за поля и что за житье на этихъ поляхъ и лугахъ, еслибъ вы только поглядѣли! Дѣло было къ осени и во многихъ мѣстахъ хлѣбъ былъ уже снятъ и убранъ. Но и тутъ все смотрѣло такъ же чисто, какъ на

пашняхъ, только что воздѣланныхъ подъ озимь. Жнивье вездѣ было пройдено граблями; нигдѣ не валялось колоса, нигдѣ не было слѣда неряшливости и запустѣнія. Тутъ люди трудятся съ любовью, съ усердіемъ: по всему видно, они цѣнятъ даръ Божій и не обращаются съ нимъ зря и кое-какъ. Каждая десятина обнесена канавой; въ нее проведена вода изъ ближайшаго пруда, болота или рѣки; валъ густо обсаженъ кустарниками и деревьями. Изъ деревьевъ здѣсь больше всего бука и рябины. Весело было смотрѣть на красныя гроздья рябины, которые пестрѣли въ потемнѣвшей осенней зелени. Справа и слѣва, поминутно мелькали каменные крестьянскіе домики, бѣлые какъ молоко и крытые черепицей. Каждый домикъ непременно окруженъ садомъ, въ которомъ одна часть обрабатывается подъ огородъ. Часто попадался рабочій народъ: всѣ были въ чистомъ бѣльѣ, толстыхъ суконныхъ курт-

кахъ, надѣтыхъ на теплые шерстяные камзолы. Мы нигдѣ не замѣтили прорѣхъ ни на одеждѣ, ни на обуви. Все смотрѣло на нихъ какъ-то приглядно и опрятно. Сами они смотрѣли бодро, весело, здорово. И какъ не быть имъ довольнымъ! Вчужѣ забирала зависть, глядя на ихъ лошадей, такихъ же здоровыхъ, бодрыхъ и выхоленныхъ, какъ сами хозяева. Мы цѣлый день ѣхали и во все это время не встрѣтили ни одной замореной коровы, ни одной клячи, ни одной веревочной постромки; сбруя, пригнанная особо для каждой лошади, была вся кожаная, съ крѣпкими мѣдными перехватами. Коровы паслись на отгороженныхъ мѣстахъ, гдѣ трава была имъ по брюхо. Въ Даніи луга по большей части сѣяныя, и къ травѣ нарочно примѣшиваютъ сѣмянъ клевера и другихъ растений, которыя улучшаютъ молоко. Нигдѣ также не встрѣтили мы сохи или бороны, которыя не были бы хорошо, дѣльно сдѣланы. По

полямъ во всѣ стороны идутъ проселки; не говоря уже о шоссе, которыми соединены всѣ города и даже большіе села Даніи, самые эти проселки вездѣ убиты щебенкой. Они отличаются отъ большихъ дорогъ тѣмъ только, что послѣднія шире.

«Такія сообщенія, конечно, стоили большихъ денегъ и еще бѣльшихъ трудовъ; но то, что было тяжело вначалѣ, теперь вознаграждается и барышемъ и пользой. То, что надо везти на трехъ подводахъ и, слѣдовательно, на трехъ лошадяхъ, въ Даніи, благодаря гладкой и хорошо содержанной дорогѣ, везетъ одна только лошадь. Отъ этого и самые переѣзды дѣлаются здѣсь гораздо скорѣе и всякій припасъ обходится дешевле.

«Раза два-три мы проѣзжали лѣсомъ. Мѣстами деревья рѣдѣли и можно было заглядывать въ чащу лѣса.

«— Господи! говорилъ я пріятелю, съ которымъ ѣхалъ. — Посмотрите, нѣтъ ли

гдѣ подрубленнаго или валяющагося лѣса, не видать даже валежника и сухихъ вѣтвей на деревьяхъ; все расчищено, подсажено, какъ словно въ саду!...

«— Здѣсь всѣ лѣса такъ содержатся; вы другаго лѣса не увидите. Здѣсь хотя и достаточно лѣса, но онъ бережется на стройку и зря его никому не дозволено рубить, сказалъ мой пріятель, который много разъ бывалъ въ Даніи и хорошо былъ знакомъ съ ея обычаями.

— Ну, скажите, чѣмъ же здѣсь топятся? спросилъ я.

— Топятся торфомъ, котораго такъ же много здѣсь, какъ на мокрыхъ лугахъ и въ болотахъ Россіи. Торфъ топить такъ же горячо, какъ и дрова; онъ несравненно дешевле дровъ и оставляетъ послѣ себя золу, которая разсыпается въ поляхъ и удобряетъ ихъ лучше навоза. Разработка торфа обходится очень дешево; ею преимущественно занимаются старики и дѣти....

«Къ вечеру, со стороны заката проглянуло сквозь тучи солнышко: все мигомъ повеселѣло и оживилось. Самое мѣсто, по которому мы ѣхали, сдѣлалось красивѣе: со всѣхъ сторонъ поднимались теперь отлогіе холмы, мѣстами густо заросшіе деревьями и кустарниками всякаго рода. Куда ни посмотришь, вездѣ встрѣчаешь по долинамъ тучные луга; на откосахъ желтѣютъ поля, покрытыя тяжелыми снопами.

«Вечеръ былъ чудесный. Запахъ скошеннаго сѣна, чистый, свѣжій воздухъ, необыкновенная тишина и кроткій, мирный видъ окрестности, — все это тѣшило глазъ и радовало душу.

«Часто между полями, ярко освѣщенными заходящимъ солнцемъ, темнѣли, какъ острова, крестьянскіе садики. Между стволами деревьевъ бѣлѣли уютные домики; красноватая черепичная крыша просовывалась кое-гдѣ между деревьями....

«Проѣзжая мимо одного такого домика, я спросилъ, можно ли войти туда. Такъ какъ это оказалось возможнымъ, я велѣлъ кучеру остановиться.

«Мы вошли въ домъ.

«Хозяева были еще въ полѣ; но насъ радушно приняла ихъ родственница, женщина уже не молодая, чисто, хотя очень просто, одѣтая. Въ хижинѣ всего три комнаты; но онѣ выщекатурены и выбѣлены, какъ словно вчера. По стѣнамъ висятъ въ рамкахъ картинки, больше съ изображеніемъ Спасителя, Богоматери и вообще духовнаго содержанія. Столы, стулья, шкапы изъ простаго соснового дерева; но все выкрашено масляной краской, все плотно, удобно, хорошо сдѣлано. Полъ вездѣ усыпанъ пескомъ. По стѣнамъ другой комнаты, подлѣ печки и дальше, развѣшены полки: на нихъ рядкомъ вытягиваются глиняныя тарелки, миски, плоски и всякая кухонная посуда. Она чис-

тится, какъ сказала намъ женщина, всякій день. Оно и видно: все сіяетъ и блеститъ, какъ новенькое.

«На одной полкѣ рядомъ также стояло нѣсколько книжекъ. Мы полюбопытствовались и заглянули. Тутъ были Священная Исторія, книга Новаго Завѣта, жизнь и дѣянія Апостоловъ и много еще другихъ гражданскихъ книгъ какъ полезнаго, такъ и веселаго содержанія.

«Въ Даніи всѣ почти грамотные. Рѣдкій Датчанинъ живетъ безъ книги. Нѣтъ страны въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы народъ былъ такъ просвѣщенъ. Въ Даніи на девять грамотныхъ человѣкъ считается только одинъ безграмотный. Тамъ въ каждомъ маленькомъ городкѣ печатаются книжки и газеты, въ которыхъ подробно рассказываются всѣ новыя выдумки на пользу человѣка, всѣ улучшенія въ хозяйствѣ. Въ этихъ книжкахъ рассказываются также великія дѣянія людей, которые должны слу-

жить образцомъ и примѣромъ своимъ ближнимъ.

«Мудрено ли послѣ этого, что Датчане просвѣщеннѣе другихъ народовъ и что жизнь ихъ, не только домашняя, хозяйственная, но и духовная, выше, чѣмъ у другихъ людей?

«Въ этой хижинѣ, куда мы вошли, насъ болѣе всего поразили постели хозяевъ и качка ребенка. На каждой постели — толстый, соломенный тюфякъ, покрытый чистой простынею и одѣяломъ, на подушкахъ — вездѣ наволочки. Ихъ видно, часто мѣняютъ, потому что ни одной не было засаленной. Датчане не употребляютъ, какъ у насъ, качекъ привѣшенныхъ къ шесту высоко отъ полу: они, очень основательно, боятся, чтобы дитя не вывалилось какъ нибудь и не повихнуло себѣ члена. Качка у нихъ въ видѣ ящика, поставленнаго наполь: внутри — тюфячекъ, подушка и одеяльце; надъ качкой выгнута

проволака съ привѣшенной къ ней занавѣской, чтобы мухи не тревожили младенца.

«Во всемъ этомъ видна нѣжная заботливость матери, видѣнъ разумъ и сердце, которое недаромъ дано человѣку.

«Однимъ словомъ, мы были какъ нельзя болѣе довольны и счастливы, что заглянули въ эту хижину. Самое легкое, доброе чувство овладѣло нами при видѣ этого скромнаго, тихаго, но добраго и честнаго жителя..

«Хозяева, между тѣмъ, вовсе не были какіе нибудь арендаторы: это, попросту, были землепашцы, обыкновенные крестьяне, которые жили тѣмъ, что обрабатывали нѣсколько десятинъ земли, нанимаемой у сосѣдняго помѣщика.

«Счастливая Данія!» заключаетъ путешественникъ.

Именно счастливая Данія! скажемъ мы, въ свою очередь. Счастливъ тотъ народъ,

который, при скудныхъ средствахъ, при плохой почвѣ, могъ, благодаря своему трудолюбію, своему нраву и своему разуму, устроить свою жизнь такъ, какъ устроили ее Датчане.